

ВЕСТНИК

Периодическое издание Соловецкого государственного историко-архитектурного природного музея-заповедника
№ 2 (21) августа 2003

ДНИ ПАМЯТИ НА СОЛОВКАХ

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК,
ПОСВЯЩЕННЫЙ 80-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ СОЛОВЕЦКИХ ЛАГЕРЕЙ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

В НОМЕРЕ:

ВОСПОМИНАНИЯ УЗНИКОВ И ИХ БЛИЗКИХ О СОЛОВЕЦКИХ ЛАГЕРЯХ

(по материалам газеты «Соловецкий Вестник»)

- Мельник А., Сошина А.
По следам СЛОНа
- Старовойтов А. Е.
О жизни, судьбе
- [О Бахтине А. Н.]
Как страна отблагодарила героя
- Гольдоэр А.
Тоска разлуки
- Рассказывает С.В. Щегольков
- Рассказывает Агнесса
- Второва Яфа О.
Анелька
- Розина А.
На стеклах вечности
- [Казаринов П.К.]
Письма с Соловков
- Из записок А.Ф. Казариновой...
Свидание с папой
- [Букин Д.В.]
О моем дедушке
- [Гордон И. Г.]
Настоящая семья у нас была только два с половиной года.....
- Гордон Г.
Поездка на Соловки. 1931 год
- Резникова И.
Пасха в Соловецком лагере

НОВАЯ ВЫСТАВКА: «ХОТЕЛОСЬ БЫ ВСЕХ ПОИМЕННО НАЗВАТЬ»

ВНУКИ АЛЕКСАНДРА ПЛЮСНИНА ИЩУТ ДЕДА НА СОЛОВКАХ

Дорогие друзья!

Вы держите в руках специальный выпуск «СМ. Вестника», посвященный 80-летию создания Соловецких лагерей особого назначения.

Дни Памяти на Соловках — это повод оглянуться назад, обратиться к нашей истории, чтобы увереннее смотреть в будущее и не повторять прошлых ошибок.

Именно поэтому в спецвыпуске мы решили обратиться к публикациям, которые положили начало откровенному, открытому разговору о Соловецких лагерях особого назначения.

Мы предлагаем Вашему вниманию воспоминания о Соловецких лагерях, которые впервые увидели свет в газете «Соловецкий вестник», издававшейся на Соловках с 1990 по 1995 гг.

Организатором издания, редактором и ведущим автором «Соловецкого вестника» долгое время была Мельник Антонина Викторовна (1947-1997). Редакцией газеты совместно с Соловецким музеем-заповедником была проделана большая работа по установлению связей с бывшими узниками, их близкими, приобретению документов и мемуаров в музейные фонды и организации их публикации.

Переиздавая часть материалов «Соловецкого вестника», мы приглашаем читателей познакомиться с незабываемыми свидетельствами того трагического времени, с поразительными страницами человеческих судеб.

При подготовке материалов к настоящему изданию были произведены незначительные сокращения, литературное редактирование, а также заменены некоторые фотографии.

Можно много говорить о СЛОНе, об опасности тоталитаризма и нетерпимости, но гораздо красноречивее скажут об этом те, кто прошел через страдания Соловецких лагерей, потерял здесь своих родных и близких. Им мы и предоставляем слово на страницах «СМ. Вестника».

по следам слона

А.Мельник, А.Сошина

КАК ЭТО НАЧИНАЛОСЬ

Когда мы, сотрудники музея, начали работу над лагерной темой, то оказались в положении первооткрывателей. До 1989 г. поступлений в фонды по теме «Соловецкие лагеря особого назначения» практически не было. Архивы ЧК-ОГПУ-НКВД были нам недоступны. В нашем распоряжении была лишь небольшая картотека с фамилиями заключённых, собранная нами из доступных источников - в основном, из журналов «Соловецкие острова» и публикаций в периодике последних лет. Было также несколько вещей, относящихся ко времени существования лагеря, и разрозненные документы и неотправленные письма заключённых, найденные в чердачном помещении церкви Вознесения на горе Секирной.

Фамилии заключённых из картотеки мы рассортировали по национальному признаку и, где было возможно, - по месту ареста. После этого в полтора десятка газет различных регионов страны мы разослали информацию о готовящейся выставке по лагерю, а также с просьбой - откликнуться родственников тех, кто знал перечисленных в заметках людей и, естественно, бывших заключенных СЛОНа.

Неожиданным для нас был не сам поток писем, грозивший стать неуправляемым, а то, с какой силой прорвались вдруг давняя боль, страстное желание узнать правду, поделиться воспоминаниями. Давно приученные молчать, многие пожилые люди уже требовали не справедливости, а хотели лишь узнать, где покоятся прах близкого человека, чтобы приехать и поклониться ему. Пошли письма не только от детей, но и внуков, и правнуков. И мы поняли: эта тема не может быть закрыта.

Сотни судеб, биографий. О многих соловецких «сидельцах» уже упоминалось в печати, фамилии их на слуху у каждого грамотного человека. Но сколько новых имён узнали мы из писем! Многие родственники уже получили справки о реабилитации. Кто-то разыскивает следы пребывания отца или деда на этой земле.

Большой радостью для нас было то, что нашлись родственники людей, чьи неотправленные письма пролежали почти 60 лет на чердаке Вознесенской церкви.

Не меньшим потрясением явились и наши публикации для родных и близких. Например, для Харитона Ивановича Мелешко, который в 1929 г. был сослан на Соловки вместе с женой. Жена его погибла на Муксалме, сам он вернулся

больной и давно уже скончался. А письмо его к малолетним детям родственники прочитали лишь сейчас.

В фильме «Власть Соловецкая» звучит отрывок из письма заключенного Иосифа Гоциридзе. Через газету «Заря Востока» нашелся его племянник Нодар, который рассказал нам о дальнейшей судьбе «троцкиста» Гоциридзе (сейчас реабилитированного), прислал его фотографию, сделанную на о. Вайгач, куда был отправлен Иосиф Александрович с Соловков.

На грязном обрывке ведомости с чердака церкви среди других прочли имя Георгия Михайловича Нелепко. В газете «Труд» вместо полного имени напечатали лишь инициалы. Хватило и этого! Нашлась дочь Нелепко, оставшаяся сиротой после ареста отца и ничего о нем не знавшая, кроме того, что он был чекист из Одессы, и был сослан на Соловки. Совпали имя и отчество. И пожилая женщина едва дождалась июня, чтобы приехать на День памяти на Соловки.

Таким же чудом оказалась история с автографом «Удалов А. Баку 1937» на стене штрафного изолятора. «Это мой отец Удалое Андрей Яковлевич, - написала его дочь, - партиец с дореволюционным стажем, в квартире которого встречались Шаумян, Азизбеков, Фиолетов. Отец до ареста работал цеховым мастером в тресте «Сталиннефть»...

Несколько лет назад при разборке старых ворот в Ботаническому саду музейщики нашли плаху с карандашной «запиской», сделанной заключённым Иваном Николаевичем Михайловым. На плахе был адрес семьи Михайлова. Через газету удалось разыскать престарелую дочь и внуков Ивана Николаевича, живущих в Пермской области. Они рассказали о том, как деревенский плотник, имеющий крепкое хозяйство и хороший дом, построенный своими руками, был обвинён в троцкизме и арестован. Михайлова подарили музею карандашный автопортрет деда, присланный семье с Соловков. Он не вернулся домой, погиб где-то на Севере. Карандашная «записка» на деревянной плахе стала его последним приветом семье...

Нашёлся и автор дневника за май 1924 года, найденного в проеме от выпавшего кирпича на о. Большая Муксалма. По косвенным данным нами было сделано предположение, что дневник принадлежал эсеру Борису Сергеевичу Иванову. В Москве живет внук Иванова, который прислал нам несколько открыток Бориса Сергеевича, написанных им уже в Тобольской ссылке. Почерк оказался одним и тем же. Одно письмо Иванова было передано нам в музей. Несколько фамилий, упоминавшихся

в дневнике Иванова, удалось «расшифровать» с помощью историка А. Б. Рогинского, собирающего сведения о репрессированных после революции членах партий эсеров и социал-демократов. Фамилии, упоминаемые в дневнике, встречаются в органе Социнтерна - журнале «Социалистический вестник» за 1924-26 годы.

Мы не хотим повторять написанное до нас.

Мы предлагаем читателям документы времени: письма, официальные сообщения, воспоминания.

«Делегация духовных лиц и мирян под руководством смотрителя Соловецкого подворья иеромонаха Серафима обратилась к председателю Губисполкома, обеспокоенная высадкой отряда красногвардейцев в Соловецком монастыре. Делегации объяснили, что... исполнком считает своим долгом охранять, а, если потребуется, обезопасить все ценности, имеющиеся на Соловках. Делегация ушла обрадованная, поблагодарив Тимме».

«Известия Архангельского губернского исполнкома СК и губкома РСДРП». - 1918.- 28 апреля.

«В ночь на 2 мая в Архангельск возвратилась экспедиция, ездившая в Соловки. Во главе экспедиции стояли тт. Кедров, С. Попов, М. Морозов и др.

...Всего в Соловецком монастыре находится в настоящее время монахов 410 и рабочих трудников 202 человека. Монахи бессовестно эксплуатируют голодовиков, которых «по обету» отдают в монастырскую кабалу. На них то, главным образом, и ложится вся работа...

«Начальство» в Соловках выборное. Ещё сразу после февральской революции монахи «учинили выборы», как доносили в официальном донесении монастырскому центру. Вот это-то начальство и собралось у руководителя экспедиции.

Товарищи рассказали им, что представляет из себя советская власть, что творится на белом свете. Монастырь без помощи советской власти прожить не сможет. Советская власть не будет разрушать хозяйство монастыря, она его будет всеми силами поддерживать, расширять...

...Сразу же после переворота в Архангельске старые монахи настаивали на оказании вооруженного сопротивления большевикам, но молодежь резко высказалась против. Пришло занять примирительную позицию.

Вот к чему готовились в Соловках «святые отцы». Они хотели воевать с рабочими и крестьянами <...>

...В ближайшем будущем предполагается организовать в Соловках трудовой лагерь. Условия для этого очень благоприятные: суровая природная обстановка, трудовой режим, борьба с природой будет хорошей школой для всяких порочных элементов».

Иван Богоявленский.

«Известия Архангельского губернского исполнкома СК и губкома РСДРП». - 1918

«ПОЛИТИКИ НА СОЛОВКАХ»

О пребывании на Соловках первых политзаключённых в 1923-25гг. мы знаем довольно много. Социал-революционерам, социал-демократам, анархистам удавалось изредка переправлять вести за границу (известно, что часть важных документов была передана с Соловков в запаянном чайнике).

Сведения о положении соловецких политзаключенных публиковались в зарубежных изданиях, в частности, в «Социалистическом вестнике».

Кроме того, в фондах музея есть несколько десятков документов, найденных в Савватиевском ските в 70-е годы. Это заявления политзаключённых лагерному начальству, черновики сообщений для пересылки в Коминтерн и др.

«...Переведённые из Пертоминска 175 социалистов поселены в скиту Савватиево. В их распоряжение предоставлен дом, рассчитанный максимально на 80 человек. Об одиночных камерах старых тюрем нечего и мечтать, а между тем в Соловках есть люди, сидящие уже по 3-3 с половиной года...

Больница находится в главной части острова, у пристани. Старостат повел переговоры о разрешении старостам навещать больных. Ответ был короток: навещать больных разрешается лишь в том случае, если по заключению врача больной накануне смерти. От больницы пришлось отказаться, и больные остаются в общих камерах.

Почты на Соловках нет. Письма идут лишь до Архангельска. Письма, адресованные на управление лагеря, заключённым не доставляются... Немногочисленные родственники заключённых, рискующие отважиться на далёкое путешествие, чтобы повидаться с близкими, наталкиваются на совершенно исключительные оскорблении и издевательства.

Продолжительность и количество свиданий зависят от произвола администрации... Попытки переговоров с администрацией, и особенно с нач. лаг. Ногтевым - приводят лишь к ещё большему стушению атмосферы. Зимы, когда

наступит полная оторванность, все ждут с большой тревогой. Старые тюремные сидельцы, каторжане, шлиссельбургцы говорят, что в таких условиях им ещё не приходилось бывать...»

«Социалистический вестник». - 1924г.-1 сентября

«...Савватьевский скит уже не может вместить всех продолжающих прибывать социалистов. Последние партии, в составе которых были тт. Кушин, Аркавина, Лурье, Кричевский, 23 с.-р.-а, пересланных из Ново-Николаевска и только что перенесших в Архангельске голодовку, и др. ещё не имели назначения.

В ночь на 23 августа вся эта партия подверглась зверскому, заранее организованному избиению. Заранее была подбрана стража, распределены роли, приготовлены верёвки и полотенца...

«...Отношение к заключённым кратко формулировал начальник управления лагерями ГПУ, сказавший в средних числах июля политическому старосте: «Голодовками вы ничего не добьётесь, если вы не в состоянии жить на Соловках - кончайте самоубийством!»

Прибавлять к этим выразительным словам нечего...»

«Социалистический вестник». - 1924г.-10 января

«В Кеми в тюрьме по пути в Соловки повесился и там же похоронен ссыльный по делу с.-д. союза молодежи, юноша Аронович....»

«В Соловках... вскрыл себе вены и умер юноша с.-р. Сандромир. В день самоубийства Сандромира дежурным был старый рабочий с.-р. Егоров-Лызов. Смерть Сандромира так повлияла на его душевное состояние, что он стал проявлять признаки душевной болезни. Он впал в тяжёлую меланхолию, повторяя, что это его вина, что он не досмотрел за юношей. Кончилось тем, что он в припадке меланхолии выбросился из окна 2-го этажа. Его в тяжёлом состоянии, по распоряжению тюремных врачей, увезли из Соловков, однако, на поруки

родных его не освободили, даже при условии немедленного помещения за счёт родных в психиатрическую лечебницу...»

*Известия Архангельского губернского
ревкома и Архбюро РКП/б.-1920г.- 4 мая.*

Почему Сандомир избрал такую крайнюю форму протеста, объясняет найденная в Савватиеве среди других документов краткая биография молодого человека.

«Леонтий Петрович Сандомир родился в 1900г. в селе Кучуг на реке Лене... в интеллигентной семье (очевидно, потомок одного из ссылочных поляков-прим. авт.)... Он работал в различных ученических организациях... вне партийных организаций. Тогда он считал, что не может заключить себя в рамки партии, он хотел оставаться индивидуалистом, но вскоре нахлынувшие события заставили его изменить свою точку зрения.

Октябрь 1917г. указывает ему путь, и он отдает свои силы на работу для партии соц.-рев... В декабре 17 года - в дни захвата власти коммунистической партией по всей Сибири, и в июне 18 года, когда в восточной Сибири шли восстания против этой власти - это были для нас дни борьбы с реакцией слева. Юзя (кличка Сандомира - прим. авт.) принимал участие в вооружённых отрядах... В этой борьбе он был твёрд и чёток, он не остановился бы перед индивидуальным совершением террористического акта без санкции парторганизации.

...В ноябре 1919 года партией с.-р. в Сибири организуется для борьбы с Колчаком военно-социалистический союз, и Юзя вступает в его ряды...

В декабре партией подготавливается террористический акт - убийство начальника военного Иркутского округа... генерала Сычёва... Юзя... должен был выстрелить в Сычёва при его выходе из штаба округа...

За день до назначенного времени весь революционный штаб наш был арестован...

Юзя - в войсках политического центра, он... отправляется в Забайкалье на борьбу с семёновщиной.

21 октября 1922 года он в числе 20 человек был арестован Госполитоохраной ДВР (Дальневосточная Республика - прим. авт.) и по постановлению особой комиссии выслан в Сов. Россию - в Новониколаевск.

...Сибчека не решилось, в конце концов, довести это дело до суда, и все иркутяне были административно высланы в Соловецкий лагерь. Вместе с ними Юзя попал в Муксаломский скит, а 21 октября 1923 года его не стало.

Юзя Сандомир среди многих из нас выделялся, как человек исключительно сильной воли, человек яркой индивидуальности, болезненно переносивший всякое на

А.Е. Старовойтов

О ЖИЗНИ,

Я родился в 1910 году на Украине, в Екатеринославле, куда прибыли мои родители после Донецка (отец работал в шахте). Мать моя была неграмотная, а когда мне было около 5 лет, отец стал меня учить. Приносил брошюры, грифельную доску. Учил читать и считать.

Весной 1922 года, оправившись от тифа и распродав домашний скарб, мы уехали на родину отца в Белоруссию. Мать пошла работать в наймы к крестьянам на сельхозработы, а меня отдали в батраки в деревню Грозды. Шесть с лишним лет я батрачил: пас скот, молотил хлеб, пахал, бороновал. Хутор содержался тремя хозяевами, и я каждую неделю питался у разных.

Кроме обычного хозяйства была там прекрасная

человеческую личность, ставящий её выше всего и готовый защищать её всеми мерами, имеющимися в его распоряжении.

Я. Рубенштейн»

Политические ссылочные вообще были настроены в первые годы существования СЛОНа несколько идеалистически. Они еще не понимали, что старая законность сломана, а новая - советская - основана на «революционном терроре», на насилии, и человеческая жизнь стремительно теряет всякую ценность. На Соловках «политики» провели две голодовки. Это практически не повлияло на их положение. За отказ прервать прогулку и уйти в барак (согласно новому, официально не обнародованному приказу начальства) «политики» поплатились пятью жизнями. Расстрелянных было бы больше, если бы староста социал-демократической фракции савватиевцев Б.О. Богданов не преградил выход из барака товарищам, рвавшимся на выстрелы.

О Богданове Б.О. стоит упомянуть отдельно. Профессиональный революционер, по духу примыкавший к позициям социалистического центра, возглавлявшегося в России П.Б. Аксельродом, а в Германии Карлом Каутским, он расходился с партийным большинством в вопросе о возможности изменения большевистского режима в сторону демократизации. На Соловках Богданов был старше многих (ему исполнилось сорок лет), и он считал своим долгом удерживать молодёжь от безрассудных поступков. В начале 1925 года его перевели в Кемский концлагерь. На прощанье товарищи по партии подарили ему книгу Ю. Мартова «Записки социал-демократа», которой все очень дорожили. Книгу переплели и сделали надпись: «На память о прошлом и в надежде на будущее».

А будущее у политзаключённых было таким. Б. О. Богданов пробыл в лагерях, в тюрьмах и ссылке с 1922 по 1957 год. Несколько сотен других политзаключённых эсеров, социал-демократов, анархистов и пр., находившихся в Соловецком и других лагерях, прошли практически один и тот же путь: лагерь, ссылка (соловчане попали в Тобольск), поселение с запретом жить в крупных городах, и в 36-38 годах - новый арест, после которого следы большинства теряются окончательно....

Соловецкий вестник. 1990.-№1,2.

О СУДЬБЕ

библиотека. Мне разрешили ею пользоваться. Сначала давали книги религиозного содержания, потом и другие. Читал я в то время, когда пас коров и в сельские праздники при лучине. Пристрастился и к чтению, и к арифметике, что потом мне помогло в жизни. В 26-27 годах село перешло к хуторской жизни. Но плодородной земли на нашу семью (для выращивания ржи и картофеля) было всего 2 гектара, а остальная болотина. Мой отец пытался заниматься земледелием, но у него не получилось, и он отказался от полученной земли в пользу матери, а сам, в основном, работал на водокачке железной дороги. Мать отозвала меня из батраков и сказала: «Будешь обрабатывать землю».

Я быстро познакомился с сельскими хлопцами, и они мне

предложили вступить в комсомольскую ячейку.

Мать в это время была у сестры в другой деревне. Я без её ведома вступил в ячейку и пошёл в школу. По знаниям меня сначала зачислили в третий класс, через несколько дней - в четвёртый. Через неделю мать пришла из другой деревни, и, узнав, что я не занималась землёй, а хожу в школу, надавала мне оплеух и заперла в погреб.

Заведующая школой Мария Андреевна узнала, пришла к нам и долго разговаривала с матерью. Она сказала матери, что мне нужно и работать, и учиться. Меня освободили из «заключения». И я на всю жизнь благодарен Марии Андреевне...

В 28 году меня избрали вожаком сельской комсомольской ячейки, назначили на должность помощника библиотекаря местной избы-читальни. Дали оклад. Землёй стал заниматься муж моей сестры.

Я вступил в кружок селькоров, который вёл сотрудник журнала «Рабселькор» тов. Курогонов, очень эрудированный и видный человек. Я стал много работать: писал очерки, статьи, рассказы. Более всего - для минской газеты «Белорусская весна» («Белорусская деревня»).

В 1930 году я стал кандидатом в партию. Ранее перед этим был избран секретарём Комитета крестьянской взаимопомощи при райисполкоме.

Весной «Белорусская весна» дала мне направление на учёбу в Ленинградский техникум печати. Экзамен я сдал на «отлично». Не успел я приступить к учёбе, как было принято решение преобразовать наш техникум сначала Государственный институт журналистики, а потом - в Коммунистический институт журналистики им. В. Воровского, с военной кафедрой. Для набранных студентов были организованы общеобразовательные курсы на несколько месяцев, потом наиболее успевающие почти полгода обучались в техникуме печати, прежде, чем стать студентами института.

Приходилось и подрабатывать. Мы почти всем курсом ходили на погрузку леса. Учебников было очень мало, и ввели «бригадный» метод обучения: один читает, остальные слушают. Преподавателей было тоже мало. Практиковался опрос выборочный двух студентов. Если ответили плохо, всему курсу ставится «неуд».

В 32г. мы окончили институт. Меня назначили редактором, но перед этим я должен был пройти военную подготовку. Направили меня в Алма-Ату. Там я был редактором многотиражки «Выше темпы». Через год, как «одногодичнику», я демобилизовался.

Работал на фарфоровом заводе, в газете. В технологии помогли разобраться. Наша газета «Ломоносовец», не хвались, неоднократно была отмечена поощрениями и наградами. Работая редактором, я ещё окончил Экономический институт.

При Володарском райкоме партии был инструктор Торопов. Он стал предъявлять претензии, что в нашей газете практически не упоминается фамилия Вождя. Может, это и привело в дальнейшем к такому перевороту в моей судьбе.

В конце 36 года я был зачислен на учёбу в Ленинградскую промышленную академию.

...Поздней ночью 2 октября 36 года меня разбудил звонок в дверь.

- Кто это?

- Я, дворник. В дверь вошли мужчина в штатском, красноармеец с винтовкой и дворник. Предъявили ордер на арест и обыск. Посмотрели на мои документы, велели klaсть ключи от квартиры на стол и отвезли на Шпалерную.

В тюрьме раздели догола, обрили, обыскали одежду и привели

в камеру, где вповалку спали люди. Бросили матрац худенький у парши. Лёг, придерживая брюки руками, потому что ремень отобрали.

Утром меня спрашивают сокамерники:

- Тебя за что?

Молчу. Сами же утешают:

- Следователь расскажет...

Поздно ночью вызвали к следователю. Он велел сесть поодаль и заорал:

- За что убивал Кирова?

У меня потемнело в глазах.

- Молчишь? Зря: отсюда еще никто не уходил, не признавшись!

Пробормотал ещё что-то, положил голову на руки и...захрапел! Быстро очнулся и потребовал:

- Признавайся, что состоял в контрреволюционной организации.

Я молчал. Он взял со стола какой-то предмет и ударил меня в левое ухо. Очнулся я весь мокрый. Рядом стояло пустое ведро. Двоих оттащили меня в камеру. В голове гудело, левый глаз совсем не видел.

Потом еще два раза водили на допрос и избивали резиновыми дубинками. Сокамерники силком отпаивали меня чаём, пытались покормить. В камере нашлись люди, которые посоветовали подписать все, что скажут: срок все равно получу, а так хоть будут меньше мучать...

Дело закончили. Возили в «Кресты», потом опять на Шпалерку. Судили не одного меня, а ещё 4-х человек. Судила Военная коллегия Верховного суда СССР. Через десять минут решение: каждому по 8 лет строгого тюремного заключения, по пять лет поражения в правах с конфискацией имущества и без применения амнистии.

На следующий день нас повезли куда-то на поезде. По приезде мы узнали, что это Кемь. На следующий день посадили в трюмы парохода и привезли на Большой Соловецкий остров.

С 5 утра до 15 часов нас не кормили, не поили, мы стояли, выстроившись по 5 человек в шеренгах одна за другой. Через каждые 5 метров был охранник с собакой. Приказали идти молча.

Это было в декабре. Кругом снег, лёд. Все мы думали, что нас приведут в какое-то место и расстреляют. Но нас повели далеко, на маленький островок. Там была комендантская «Новая» (Новососновская - А. М.). Поместили в большой барак с трехэтажными нарами. На островке, кроме барака - только вышка для охраны. Пока там жили, нас кормили морской капустой, тюленым или нерпичным мясом, иногда давали какой-то полуупротухшей рыбы или тюленьего жира. Держали нас там потому, что в Кремле были не готовы камеры. Через месяц нас водворили в тюрьму в Кремле. В камерах мы могли разговаривать только шёпотом. При малейшем нарушении порядка - 5 суток карцера - такого, что человек после него приходил в себя лишь через полтора-два месяца. Через каждые три дня был «личный обыск». Раздевали догола и заглядывали везде... Стригли раз в месяц. Мы друг друга уже перестали узнавать. Для нас была пошита одежда из тёмно-синего материала с накладками из тёмно-коричневого. Это называлось «вражеская гитлеровская одежда». После Соловков этапом я был отправлен в Норильлаг... Были среди нашего этапа - 200 человек ленинградцев - и латыши, и эстонцы, и литовцы, и краинцы, белорусы. Трудно всех вспомнить.

Соловецкий вестник.-1994.-№4.

КАК СТРАНА «ОТБЛАГОДАРИЛА» ГЕРОЯ...

Александр Николаевич Бахтин умер дома, в своей постели. От туберкулёза, нажитого в ссылках и лагерях.

Семья Бахтиных не была «рядовой». Дед был основателем кадетского корпуса в г. Орле. Отец преподавал в этом корпусе, знал 14 языков, позднее был основателем Ленинградского ТЮЗа. Двоюродный брат Михаил Михайлович Бахтин известен как один из крупнейших исследователей творчества Достоевского.

Биография же Александра Николаевича видна из приведённых ниже документов. Бахтин был осуждён по 58 статье в 26 году. Срок отбывал на Соловках и в Тобольской губернии. Семья его осталась без средств к существованию. Во время блокады в Ленинграде умерли от голода дочь и сын. Жена сошла с ума, долго болела. После возвращения из ссылки вскоре умер и сам Александр Николаевич. Документы представлены его племянницей Л. П. Шевченко, г. Санкт-Петербург.

А. Мельник

А.Н. Бахтин

ИЗ УЧЁТНО-ВОИНСКОГО БИЛЕТА

(Выдан в 1931г.)

Родился в 1894г. в с. Малые Бобрики Малоархангельского уезда Орловской обл. Дворянин. Окончил Ленинградский кадетский корпус в 1911. Окончил Морской корпус в 1914г. Окончил подводный офицерский класс в 1916г. Окончил В. М. Академию РККА в 1926г. Беспартийный. С 17г. - старший офицер п/л «Волк». Вскоре - командир п/л Волк. Командир транспорта «Юрмалнекс». Командир п/л «Пантера». С 21г. - командир действующего дивизиона подлодок Балтийского моря. Потом - командир 1-го дивизиона подлодок и одновременно к-р п/л «Тур». По совместительству зав. подводным классом при Мор. академии. 22г. - командир транспорта «Госно», в то же время - пом. нач. отдельного дивизиона подлодок. В 25г. - зав. подводным классом СКУКСФ. Зачислен в слушатели факультета Военно-морского оружия В. М. Академии по минной группе. Но в 26г. переведён в мор. силы Чёрного моря ком. отд. дивизиона подлодок. В Гр. войну 18-20гг. был на боевых кораблях Балт. флота командиром п/л «Пантера». В 19г. утопил английский истребитель у острова Сескара.

Наградные часы «за подвиги и энергичную деятельность» во время наступления Юденича на Петроград. За потопление англ. миноносца - орден Красного Знамени. За труды по созданию и возрождению Краснознаменного Балт. флота нагр. званием «Герой труда Балтфлота», 3 благодарности. В 11г. принят гардемарином и зачислен на действ. службу. В 17г. произведен в лейтенанты.

ПИСЬМО

Уважаемый тов. Рыклин.

Прочитав в «Известиях» от 8/ХП-28г. (№ 285) ваш фельетон, я позволю себе обратиться к Вам за разрешением жизненного для меня вопроса.

Вы пишете гр-ну Львову: «Почётная грамота вам дана не даром. Она свидетельствует о том, что вы умеете бороться за правое дело. Она говорит также о том, что Советская власть не забывает своих мужественных бойцов. В вашем деле разберутся...»

Я не сомневаюсь, что т. Львова защитят от блокфатов, жертвой которых он явился.

Но скажите, пожалуйста, а может ли Советская власть защитить тоже активного участника гражданской войны от... белогвардейской интриги?

Кто сильнее - Советская власть, или белогвардейцы?

Вам, очевидно, вопрос для двенадцатого года Советской власти покажется странным, но для меня он именно стоит в такой плоскости, к которой его приводит цепь событий моей жизни.

Осенью 18 года, с начала гражданской войны в Балтийском море, я добровольно вернулся в Красный флот (из которого ушёл весной 18г. по семейным обстоятельствам), и был назначен командиром подводной лодки «Пантера». В 1919 году, активно участвуя в военных действиях, я утопил английский эскадренный миноносец «Виктория» (за что впоследствии был награждён орденом «Красного знамени». За деятельность по окончании гражданской войны я получил звание «Героя труда». Кроме того, я имею часы от Петросовета и ряд благодарностей в приказах. Я деятельно участвовал в возрождении и строительстве Красного флота. Работал одновременно и в педагогической области - был первым заведующим подводным классом Комсостава и преподавателем в нём. Участвовал в общественной жизни: доброобществах, морском научном обществе, газетах и журналах. Вёл научную работу...

В результате в 1926 году я был арестован, направлен в концлагерь, а потом в ссылку и лишиён ордена Красного Знамени.

В бытность в концлагере можно было подавать прошение о помиловании во ВЦИК (других заявлений не принималось.) Естественно, что, не чувствуя за собой никакой вины, мне не в чем было и просить помилование. Оставалось только ждать.

В декабре 27 года мое дело было пересмотрено, и концлагерь был заменён ссылкой на Урал. Осенью 28 года я прибыл по этапу в с. Берёзов, где и проживала в настоящее время.

Когда я проездом находился в изоляторе в Свердловске (летом 28г.), изолятор посетил Ген. Прокурора Верх. Суда СССР т. Малинин. Воспользовавшись этим впервые представившимся случаем, я обратился к нему и объяснил, что вот, благодаря белогвардейской интриге, меня постигла такая судьба.

Он удивился и заинтересовался: «Ведь вы осуждены органом ОГПУ, какие же белогвардейские влияния могут быть в этом органе? Что за ерунда!»

Тогда я рассказал ему следующее.

О причинах моего приговора я могу судить только по следствию и статьям обвинения, так как мотивировка приговора мне неизвестна.

Основанием для приговора служили показания некоего белогвардейца Вонляфлянского, которые я слышал на очной ставке. Он утверждал, что весной 1923г. я приезжал к нему в Кронштадт из Ленинграда по делам контрреволюционной организации, причем он узнал (!) меня по ордену «Красного Знамени», о награждении которым прочитал в приказах. (Любопытно, что орден № 1143 я получил 23 ноября 1923г.). Я просил следователя тогда же расследовать это обстоятельство, но, по-видимому, этого почему-то сделано не было. Кроме того, в 25 году он от меня будто бы получал записку с вопросом, кажется, о количестве комсостава в г. Кронштадте (?), и эту записку он подшип для хранения в деле (?) учебного отряда, в кюм он был в-ком штаба.

Память несколько изменяет ф-ну Вонляфлянскому. Я, действительно, был у него в штабе Учебного отряда в Кронштадте, но не весной 23 года, а летом 25 года и притом по делам несколько другой организации, а именно РКИ, которой я был привлечён для участия в комиссии по обследованию некоторых специальных вопросов. Разговоры с ним происходили в присутствии членов РКИ-партийцев. Причём, тон этих разговоров со стороны ф-на Вонляфлянского своей резкостью привлёк внимание членов комиссии настолько, что, я думаю, и до настоящего времени сохранился в их памяти, и может быть восстановлен. Акт этой комиссии можно найти в делах штаба Балтфлота. Это был единичный случай, когда мне вообще пришло впервые иметь дело с ф-ном Вонляфлянским.

По выслушании абсурдного показания Вонляфлянского меня спросили, что я могу сказать по этому поводу? Я заявил о лживости и абсурдности этого показания. Ход дальнейшего расследования этого вопроса мне неизвестен, так как меня об этом больше не спрашивали.

На втором допросе мне предъявили обвинение, что в 18 году летом, когда я был в трудовой артели бывш. адмирала Развозова (и возил рыбу для Продкоммуны из Ладожского и Онежского озера), я будто бы состоял в контрреволюционной организации, что также неверно и ни на чём не основано.

Больше на допросы я не вызывался. Ещё мне известно только из слов следователя, что моя фамилия значится в каком-то «списке иностранного происхождения».

Я заявил т. Малинину, что, с моей точки зрения, дело совершенно ясное: потопление английского миноносца, активное участие в мирном строительстве Красного флота - достаточная вина для того, чтобы уличённый белогвардеец Вонляфлянский (имея на этот случай, вероятно, и соответствующие указания из-за границы - если сопоставить его показания и этот провокационный список) избрал меня объектом для своих инсинуаций и стремился запутать в своё дело меня как лицо, полезное Красному флоту (учитывая, что специалисты подводного плавания - участники морской и гражданской войны - насчитываются у нас единицами). Весьма вероятно, что это помогало ему укрывать каких-либо действительных участников организации.

Т. Малинин записал всё в записную книжку, обещал просмотреть моё дело и просил меня сообщить ему по прибытии на окончательное место ссылки мой адрес, для сообщения результатов. Каждый понедельник и пятница (почтовые дни в Берёзове) являются для меня днями ожидания. Но до настоящего времени ответа я не получил.

Итак, отдавши восемь лет энергии, труда, здоровья и нервов нашему Красному флоту, третий год переживаю за это возмездие. На меня возведены позорные обвинения вплоть до шпионажа, я лишился ордена «Красного Знамени», лишился гражданских прав, лишился семьи, которая со здоровьем, в достаточной степени подорваным за времена гражданской войны, когда я был на морском фронте, - кой-как перебивается в Ленинграде... Я не вижу, какие же пути с этим «наваждением»? Как же добиться своей реабилитации? И можно ли это вообще? Кто же, в конце концов, сильнее: Советская власть, или белогвардейцы!!

Подлинный подпись А. Н. Бахтин.
с. Берёзов Тобольского округа, Мокрая улица, № 114.»
Публикация А.Мельник
Соловецкий вестник.-1994.-№5.

Александр Гольдгоер

ТОСКА РАЗЛУКИ

Разлука ты, разлука, плохая сторона.
Какой мне скверной кажется чужая струна.
(Песня шарманщика)

Генерал очень страдал от того, что судьба жены была ему не известна. И он пытался найти сведения о ней через все возможные каналы. В 1924 году сёстры Горстмайер, жившие в Хельсинки, уехали в Петербург, чтобы встретиться со своими родственниками. Так как некоторые из них были арестованы, одна из сестер (в замужестве Корзова) получила разрешение на свидание в тюрьме.

Там она случайно встретила мою бабушку Зинаиду Яковлевну, которой удалось всунуть ей в руку записку: «Если приглашаю, не приезжай».

Тогда генерал первый раз имел контакт с женой безнаказанно. В том же году весть передали Саше в Хельсинки для последующей передачи ее в Териоки. Получив эту записку, генерал сразу понял, что его жена арестована, а его пытаются вернуть в Россию.

Подозрения скоро подтвердились. В среду 4 марта 1925 года раздался стук в дверь - не в квартире генерала, а на даче у Яницкого, где генерал гостила. За дверью стоял человек в штатском. Он протянул коричневый конверт, на котором было написано:

«Териоки, дача Яницкого.

Господину Константину Николаевичу Гольдгоеру лично».

В конверте лежало напечатанное на машинке письмо, в котором было множество ошибок.

«Териоки, 3 января 1925г.

Милостивый Государь, считаю своим долгом сообщить Вам крайне неприятную весть. Ваша жена собиралась уехать в Финляндию, но была своевременно арестована и теперь предназначена на высылку в Соловецкий концентрационный лагерь сроком на пять лет.

Конечно, надо признать, решение властей довольно сурово, но Вы, в душе, сами поймёте обстоятельства, заставившие прибегнуть к такой мере. Вы являетесь одной из видных фигур фракционной Союзной Правительству русской эмиграции и, конечно, власти, зная о Вашей деятельности, иначе не могли рассматривать поездку к Вам Вашей жене, как предпринятую по деловым соображениям. Если бы дело касалось просто отъезда к мужу, то Вы ведь спокойно могли её вывезти в те времена, когда переход границы был делом совершенно простым.

Одним словом, как бы то ни было, но власти сочли себя вынужденными изолировать Вашу жену, как общественно опасный элемент. Я думаю, что Вам превосходно известно, что такое Соловки. Бежать оттуда нельзя, а, с другой стороны, пять лет вполне достаточный срок для того, чтобы подорвать чье угодно здоровье. А тем более, если учесть, что административно сосланные не подпадают под амнистию. Поэтому, мне кажется, Вам необходимо серьезно подумать о том, как спасти Вашу жену.

Способ же для этого только один. Необходимо убедить кого угодно, кто считает Вас врагом современной России, в том, что Вы можете и хотите приносить ей пользу. Это совсем нетрудно, особенно если и Вы, и, кроме меня, еще кто-то уверены в том, что в последние годы Вы многое поняли и больше не являетесь убежденным врагом советской власти.

План, который я Вам предлагаю, тем более достоин внимания, что он не только спасет Вашу жену, но и решит вопрос о том, как скоро Вы сможете предложить свои знания на пользу Родине. Чтобы это осуществить, Вы должны сообщить о своем решении и перемене взглядов в учреждение, куда обычно обращаются эмигранты, признавшие современную ситуацию в России.

Надеюсь, Вы поймете мое письмо и поспешите им воспользоваться. Чем скорее, тем лучше! Также могу сообщить Вам, что отправление Вашей жены задерживается до того, как Вы примете решение, надеемся, это будет скоро, но если взгляды Ваши не переменятся, жена будет отправлена.

Как видите, судьба дела находится в Ваших руках.

Суважением Измайловац.

После этого письма дедушка конец года прожил в Териоках, а на Рождество уехал к детям в Хельсинки и там остался. Он не последовал советам из этого письма, и моя бабушка попала в Соловецкий лагерь. Как она там жила, достоверных сведений нет. То рассказывали, что она болеет или сидит в тюрьме, то - в психиатрической больнице. Угроза, выраженная в вымогательском письме, пришедшем из Советского Союза, оказалась не шуткой. К счастью, сведения были противоречивы и опровергали друг друга. Дедушка с детьми все же собирал деньги и продукты и через посредников отправлял жене. Доходили ли до неё эти посылки - неизвестно.

В 1927 году Константин Гольдгоер работал сторожем порта акционерного общества «Бустрэм» в Хиеталахти (Хельсинки). Он с нетерпением ждал сведений об освобождении жены из Соловецкого лагеря. Но ничего не было известно, и он написал свою «исповедь», чтобы её передали жене.

В письме, написанном в год своей смерти, в 1929 г., двоюродная сестра дедушки княгиня Ольга Палей, еще удивляется отсутствию сведений о Зинаиде Яковлевне, предлагает воспользоваться связями в Министерстве иностранных дел Франции и во французском посольстве в Москве для того, чтобы выяснить местопребывание родственницы.

«Странно, что у тебя так давно не никаких сведений о Зине. Если дашь мне её адрес, через французское посольство в Москве было бы легко получить хоть какие-то сведения о ней. Я знаю некоторых лиц в Министерстве иностранных дел в Париже, и использование дипломатических каналов для меня безопасно. Я уже пользовалась ими тысячу раз. Твоё имя не будет упомянуто, это я буду делать запрос».

В Париже в 1930 году в воскресенье 29 января советские агенты захватили генерала пехоты Александра Павловича Кутепова. Он был последним командующим лейб-гвардии Преображенского полка, трижды раненный в Первой мировой войне, близкий друг дедушки. В Париже он был председателем эмигрантской организации бывших членов полка. Его исчезновение вызвало одновременно и гнев, и страх у эмигрантской верхушки.

Константин Александрович хорошо помнил шантажистское письмо «Измайловаца». Он всегда боялся агентов советского ГПУ и знал о его деятельности. Захват Кутепова насторожил его, но, несмотря на это, он продолжал работать, как и прежде.

В Париже были организованы молебны за здоровье и благополучное возвращение генерала. Поскольку его схватили на территории Франции, упомянутая организация полка подала жалобу председателю Совета министров Франции Андрэ Тардье, собрав по ней подписи 11827 эмигрантов. Та же организация основала фонд для поисков генерала Кутепова с начальной суммой 900 франков. Также было высказано желание, чтобы оставшиеся деньги были потрачены на воспитание несовершеннолетнего сына Кутепова Павла. Генерала Кутепова так и не нашли.

...Первую достоверную информацию о пребывании бабушки в лагере семья получила неожиданным способом.

В 1930 году в Хельсинки в кинотеатре «Эдисон» (ныне «Диана») показывали советский пропагандистский фильм «Соловки» (финляндское ТВ показало отрывки этого фильма 20 сентября 1990 г.) Вся семья пошла в кино. Можно представить, как все удивились, увидев на экране гримирующейся актрису. Потом та же актриса выступила в нескольких ролях. Без сомнения, это была моя бабушка, генеральша Зинаида Яковлевна Гольдгоер!

Киномеханик был доброжелательный человек. Вопреки всем правилам, он отрезал некоторые куски от целлулоидной ленты фильма и подарил их моим родителям. Потом он склеил ленту.

В статье «Последний могиканин», опубликованной в выходившем в Германии в 50-е годы журнале «Неугасимая лампада», бывший советский заключенный Борис Ширяев рассказывает о «событиях за кадром» некоторых кусков этого фильма.

«...В театральной деятельности профессиональные актеры не участвовали. Народ был пестрый! Элегантная дама, выпускница Смольного, вдова командующего гвардейского полка (бабушка никогда не сознавалась, что её муж жив) Гольдгоер играла вместе с хозяйкой публичного дома кронштадтского порта Кофаблихой, которая пошла в Соловецкий лагерь вместе с бунтующими матросами... Та самая генеральша Гольдгоер, женщина лет пятидесяти, проявила своеобразный и очевидный актерский талант. Когда она стала членом организации «ХЛАМ» (аббревиатура от слов «Художники, Литераторы, Актеры, Музыканты), одновременно с ней туда вошла танцовщица, дворянка Хомутова-Гамильтон, которую на Соловках звали «Леди», а также известная в Москве торговка чаем Высоцкая».

Один школьный товарищ моего отца Александра Гольдгоера, эмигрировавший в Австрию, поддерживал связь с Борисом Ширяевым, который дал ему более подробные сведения.

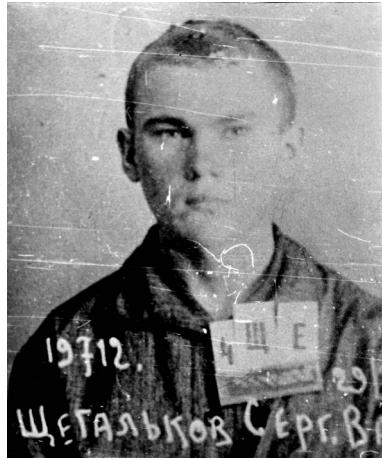
«Будьте любезны, сообщите сыну Гольдгоеру, что его вопрос о его маме, жене командующего 4-го стрелкового полка лейб-гвардии действительно... Отбыв трехлетний срок в лагере, в 1927 году она была дополнительна приговорена к трем годам ссылки в Западной Сибири. На Соловках она развилась в настоящий театральный талант и освоила редкую профессию. Она стала мастером по парикам, и, между прочим, придумала механический парик, волосы которого «ставали вьюбом». Думаю, что она выжила в Сибири. В то время там было довольно легко жить».

...Оказалось, что Ширяев был прав!..

1. Этой фразой письма заканчивается страница, воспроизведенная в книге как иллюстрация. Дальнейший текст письма дан в переводе.

Перевод с финского Паулы Аутто и Антонины Мельник. Соловецкий вестник. 1993.-№13.

РАССКАЗЫВАЕТ С.В. ЩЕГОЛЬКОВ

С.В. Щегольков

квартире, карточная система на хлеб и отрезок ткани на штаны - все это казалось такими мелочами.

А осенью 32-го я и мои товарищи Сима Архипов и Женя Перфилов были арестованы.

В ночь ареста был один (и единственный) допрос с угрозами, запугиванием и обвинениями. Допрос помню плохо, так как был в состоянии шока от немыслимости всего происходящего. Помню, что следователи (они сменялись, их было 3 или 4) орали, угрожая расстрелять мою мать. А если я не признаюсь, что хотел убить Сталина, то и меня расстреляют.

Смутно помню, что я что-то подписывал (меня обещали отпустить домой, если я подпишу обвинение). Позже я встречал сотни людей, которые ничего не подписывали, но тоже были осуждены. Это не играло никакой роли для «правосудия».

В Бутырской тюрьме был вынесен приговор: мне и Перфилову - по 10 лет, Архипову - 5 лет. Статья 58, пп. 8, 10, 11. Лет нам было тогда по 16-17.

Позже мы узнали на этапах, в тюрьмах и лагерях, что за «подготовку покушения на Сталина» по всей стране были арестованы тысячи молодых парней из ФЗУ, техникумов и институтов. Я убежден, что это было запланированной акцией по уничтожению думающей молодежи.

...На остров нас привезли весной 33-го года. Я работал в мехмастерских слесарем, это меня спасло от «общих работ», на которых можно было не выжить.

Осенью меня, Архипова и нашего однодельца Полетаева (которого мы до Соловков не знали) повезли в Москву. Оказалось, что дело пересматривалось по заявлению отца Полетаева, профессора Тимирязевской академии. Мы нужны были для того, чтобы подтвердить, что с сыном Полетаева в Москве не были знакомы. После пересмотра дела мне сократили срок на 5 лет, и нас опять повезли на Соловки. А Полетаев был освобожден.

Большинство лагерников тогда жило в Кремле, в монастырских кельях. Вначале я попал на работу по вытаскиванию из моря бревен к электростанции. Если бы поработал там подольше, мне был бы конец. Но судьба скжалилась - был переведён на заготовку дров для котельной электростанции. Дрова нужно было пилить и колоть.

Вскоре меня присмотрел заведующий электростанцией Иван

В начале 1931 года я поступил в ФЗУ московского завода «Авиаприбор». Это был самый верный шаг, чтобы приобщиться к рабочему классу, к строительству коммунизма. Учились мы архитектурно, помогая друг другу, активно участвовали в комсомольской работе. Преклонялись перед «гением, учителем и отцом молодёжи» Сталиным. Теснота в коммунальной

Семёнович Овсяный и перевёл помощником машиниста в машинный зал, а затем поставил своим помощником-механиком. Там я проработал до лета 1938 года.

Условия были сносными. Жил при электростанции, было чисто, тепло. При электростанции были душ и ванна. Питался я с техперсоналом в отдельной столовой, где кормили несколько лучше, чем в обычной.

Там же питались лагерники из проектно-сметного бюро. Их было человек 150 разных специальностей - от чертёжницы до профессора. Они разрабатывали проекты мостов, каналов, электростанций для Севера. Это было очень выгодно стране - получить проект не за миллион, а за пайку хлеба.

Питания все же не хватало. «Подкреплялись» мы камбалой, что плывала по дну дока, а также корюшкой, подплывавшей иногда стайками к пресной воде, текущей с электростанции.

Мы с Овсяным были заняты круглые сутки. Надо было бесперебойно обеспечивать электроэнергией Кремль, управление и близлежащие постройки. Работа на электростанции, по сравнению с другими, была более легкой, поэтому все работали с полной отдачей.

Топилась электростанция лесом, который добывали с моря. Когда его стало прибывать к острову меньше (при впадении рек в море сделали заградительные устройства), то в 38-м году началось строительство электростанции на дизельном топливе.

...Скоро все жилые здания Кремля стали переделываться под тюремные. На всех окнах навесили решётки и деревянные щиты, двери в кельях и на этажах переоборудовали под тюремные. Решётки для тюрьмы сваривались на электростанции. Когда подготавливали тюрьму, перестреляли всех чаек, которых до этого в кремле было множество.

...В 1937 году на остров начали привозить заключённых с 25-летним сроком! Жилых корпусов в Кремле не хватало, и в 38-м заложили новую тюрьму недалеко от Кремля.

В 37-м началась расправа над заключёнными. Лагерников высыпали из Кремля в построенные неподалёку бараки. Тем, кто имел срок менее 10 лет, по окончании его добавляли новый. В то же время из лагеря забирали людей (в основном со сроком 10 лет), и они исчезали. По слухам, их отводили этапами с усиленным конвоем (даже с пулемётами) в сторону Секирной горы...

Рядом с электростанцией была построена деревянная баня для начальства. Часы её работы были дневные. Мы давали туда пар и воду от котлов, которые топились круглые сутки. А были случаи, когда нам приказывали подавать воду глубокой ночью. Это отмывались убийцы после расстрела заключённых.

В Соловецком лагере умирали многие и без расстрелов а от истощения (особенно уголовники, когда проигрывали и без того скучную пайку), от непосильной работы и северного климата. Когда мы жили в Кремле, окна нашего корпуса выходили на внутренний двор, где помещались больница и морг. Часто к моргу подъезжала лошадь, на телеге стоял деревянный ящик. Выносили трупы, укладывали в ящик по четыре сразу и закрывали плоской крышкой. Если крышка прилегала неплотно, возница залезал на воз и ногами умнял содержимое ящика. Воз уезжал, возвращался. «Конвойер» работал без перерыва. Хочу отметить, что, несмотря на эту ужасную картину, мы наблюдали происходящее равнодушно. Чувства были атрофированы: мы знали, что и сами завтра

можем попасть в этот ящик...

Летом 1938 года меня по каким-то причинам уволили с электростанции. Перевели на строительство новой тюрьмы слесарем по механизации. А вскоре вызвали в управление и... освободили. Я уже и не надеялся на это, так как «пересиживал» 8 месяцев. После освобождения лет тридцать видел во сне один и тот же кошмар: мне добавляют срок...

В Москву меня не пустили. Поехал в Краснослободск к матери. В том же году призывался в армию. Служить не взяли,

выдали военный билет в запас 2 категории. Видно, не доверяли.

Поступил работать в местную МТС. Началась война. Мне, как единственному специалисту, дали броню. После войны получил медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 - 1945гг.». Но вот незадача: ни разу медаль не надел. На одной стороне её есть лик убийцы, носить его на груди не позволяет душа...

Публикация А. Мельник.
Соловецкий вестник.-1991.-№4

РАССКАЗЫВАЕТ АГНЕССА

Женщина разрешила мне воспользоваться её записями и – если будет в том надобность – опубликовать их. Просила лишь не указывать её настоящее имя. Я не смогла убедить её в том, что ничего стыдного в её прошлом нет: судьба сложилась так не по её собственной вине. Но, коль ни дети, ни внуки её не знают подробностей, пусть этот рассказ идёт от имени Агнессы – так называлась она при аресте, под этим именем была в УСЛОНе.

В феврале ей исполнится 80 лет.

Первое письмо от этой женщины, бывшей заключённой УСЛОНа, я получила два года назад. На нескольких тетрадных листках красивым уверенным почерком были записаны её воспоминания о лагере. Узнав о ней побольше, я поняла, что не только почерк, но и душа у неё остались молодыми. Она ещё работает, ездит в командировки, в концертах самодеятельности читает стихи Твардовского, да и здоровьем Бог не обидел. А жизнь была прожита тяжёлая.

А. Мельник.

Родилась я в Казахстане, воспитывалась в Омском детдоме. Детства, можно сказать, не было. Помню только голод, болезни. Чем только дети у нас не болели... Трупы складывали на террасу детского дома штабелями, и так они лежали зимой, пока не накопится столько, что пройти негде. Тогда их вывозили и жгли. Я выжила, хотя и переболела сыпным тифом. Некоторое время я прожила уяди. Звали его Эдуард Густавович Зейлер. Он работал в Томском управлении железной дороги инженером. Но в 27-м году его арестовали только потому, что он был немец, хотя он родился и жил в России. Было ему лет 60. Больше я его никогда не видела.

...Посадили меня абсолютно ни за что – я попала в облаву. Вместе с другими меня увезли в тюрьму, а через три дня в столыпинском вагоне нас отправили в Москву, в Бутырку. Мы, молодые, тогда, ничего не боялись, даже интересно как-то было. Правда, навидались всего. Когда уезжали из Бутырки, видели там пять трупов, покрытых рогожками – растрелянные во время попытки побега...

Привезли нас в Петрозаводск, оттуда на командировку Разнаволок. В дороге мы пели песни. Одну я помню:

Соловки, да Соловки, Дальняя дорога!

Сердце поет, от тоски, На душе тревога...

В Разнаволоке был рыбзавод. Солили в бочках селёдку. Была бондарная мастерская, сетевязальная.

Мне шел тогда восемнадцатый год. Во время ареста я называлась вымышленной фамилией, а имя сказала Агнесса. Встречала в одной книжке, и оно мне понравилось.

Надо сказать, что начальства из военных я не помню, а в лагпунктах охрана вся была из заключенных. Первый наш начальник был Бекназаров. Затем начальником лагпункта был бывший белый офицер Гришаев – высокий, красивый, но садист. Помощником у него был тоже белый офицер Семёнов. Жил он отдельно со своей женой. Условия всем им были созданы хорошие, а власть – неограниченная. Начальниками производства были два еврея – Манзуров и Братчик.

Мы всё думали, что бывших белогвардейцев здесь специально берегут: жили они, как на курорте. А как над другими издевались! Поставят полураздетого заключенного на камень, в море, а сзади другой ээк стоит с автоматом. Стоит, бедный, на камне, а вокруг тучи комаров, и отбиваться нельзя: конвой предупреждает, что будет стрелять. Особенно зверствовал Гришаев.

Помню, когда мы только приехали, сошли с парохода, прикладами отогнали и поставили на камень молодого парня. Он ещё на пароходе всё переживал, ничего не ел. Оказывается, он бежал из лагеря, его поймали и везли назад. И вот поставили его «на комаров», я плакала, а надзиратели смеются, садисты. Я уткнулась в мох лицом и головы не могла поднять, потом нас увели, а он всё стоял на камне. Больше я его не видела.

Спасало то, что я с детдома очень хорошо выступала в художественной самодеятельности, а Семёнов, зам. начальника лагпункта, любил ходить на концерты со своей женой. Он зачастую меня поощрял. Клуб был с хорошей сценой, были струнный и духовой оркестры, большой хор, хореография (руководил профессиональный балетмейстер). Я была ведущей на концертах. В программе у нас были вокальная группа, трио, дуэты, хор, танцы, художественное чтение. Ставили чеховские водевили. Помню, ставили пьесы «Женитьба», «Интервенция», «Жертва эгоизма», «Свадьба в Малиновке». Драмкружком руководил тоже профессиональный артист (фамилии я не помню), но осуждён он был за контрреволюционную деятельность.

Выходила в лагере газета, называлась она «Перековка» – один лист небольшого формата. Я даже была рабкором этой газеты.

Были в лагере свои деньги, они назывались боны. Нам их платили за работу. Они напоминали «керенки» – тоже небольшого размера, зеленоватые. На них можно было в магазине покупать вещи и продукты. В магазине были сухари, конфеты, чай и одежда. Я как-то купила юбку с жакетиком. А одежду казённую – нам её выдавали – мы перешивали на себя. Давали нам бушлаты защитного цвета, шапки-ушанки, кирзовые сапоги, зимой давали стёганые штаны и валенки.

Кормили нас, в основном, треской или другой рыбой, супом картофельным, кашей. Почему-то, помню, мы не ходили в столовую, готовили сами.

Мне повезло: часто попадались в жизни хорошие люди, и на той моей первой лагерной командировке я подружилась с одной старенькой женщины, бывшей княгиней. Звали её Екатерина Николаевна, она меня очень любила. Я из-за неё как-то даже в карцер попала: её обругала надзирательница и ни за что наказала, а я заступилась. Надзирательница нажаловалась Гришаеву. Он приказал посадить меня в холодный сарай, а мороз стоял такой - я описать не могу. Сарай назывался изолятором, а начальником был бывший офицер Георгий Зыков. У него был чудесный голос, и он когда на концертах пел, лучшую песню посвящал мне. Но я его презирала. Так вот, Зыков, прочитав бумагу, запер меня в сарай, но оставил тёплый платок. Часов в 11 ночи Гришаев заглянул в сарай и спрашивает: «Ну, как, жарко?» А я отвечаю: «Очень». Тогда он приказал отобрать платок и ушёл, хлопнув дверью. Не помню, сколько я ещё там пробыла. Помню только, что мне стало тепло, как будто мама меня прижала к себе и завернула в пуховый платок... Очнулась я в лазарете. Девочки меня оттёрили, чаем напоили, но я заболела.

Тут недели через две приехала какая-то комиссия, и заменили всё начальство. До этого тоже бывали комиссии, но посмотрят - и уедут. А эти люди, говорят, приехали инкогнито и стали наводить порядок. Старое начальство всё пересажали за проволоку. Я видела потом, как они там ходили - Гришаев, Семёнов, Дайнеко, Братчик. <...>

Помню там ещё артистку, из Ленинграда по фамилии Чагирь. Очень красивая, молодая. Муж тоже сидел, но на другой командировке.

Помню Любовь Михайловну Хлопушину из Омска. Муж её был с детьми дома, а она сама сидела за агитацию.

Помню Надю Белкину, Валю Виноградову, Люду Пальгунову, Пастухову, Струкову... Очень добрый был человек Кириоша Халиленко, хоть и командир. Он москвич.

И помню Мишу Лосева - это была моя первая любовь. Я родила в лагере от него ребёнка. За Мишу я тоже раз попала в карцер. А было это так. Я раз забежала к нему в бондарную мастерскую поболтать, а там меня застал Семёнов. Вот он меня и посадил в новый карцер («крикунщик» - так мы его называли). Утром он меня выпустил, так как в тот день я участвовала в концерте. Ну, а я в концерт вставила лишний номер: прочитала наспех написанное стихотворение, о том, как и за что «обновила» карцер... Мне так аплодировали!.. А когда я прочитала строчки: «А только в «крикунщик» меня не садите», - Семёнов, сидевший в первом ряду, захочотал и головой помотал - мол, не буду.

Рожала я сына в большой больнице в Кеми. У меня было всё в порядке, а вот рядом молодая украинка не могла разродиться. Она прибыла в больницу на костылях, у неё отнимались ноги. А когда начались схватки, стала от боли бегать по коридору уже без костылей. При родах она умерла, а ребёнок остался жив. Мне приносили его кормить грудью, а потом куда-то забрали. Я так плакала, такой хороший мальчик был. А где его мать похоронили, я даже не знаю.

После рождения сына меня отправили на какой-то остров в монастырь (о. Анзер - прим. ред.). В большом каменном здании, очень мрачном, кроме нас, «мамок», жили монашки, сосланные за контрреволюцию. Монашки нас презирали, детей ненавидели. Страшно так было там жить. Кельи, общая кухня, вооружённая охрана вокруг. Матери с детьми жили в одной большой камере. На детей выдавали дополнительный паек.

Со своей знакомой Екатериной Николаевной я переписывалась. Она была теперь тоже на другой командировке, работала поваром у какого-то начальника (кажется, у Бекназарова). Старушка эта была мне, как мать. Я ей писала, что родила сына. Она поговорила со своим начальником, и мне разрешили съездить к ней в гости. Она мне написала, что поможет окрестить ребенка. И вот поплыли мы в карбасе на другой остров. Всё время звонил колокол, чтобы мы не сбились с пути и не ушли в открытое море. Не помню, как называлось это место. Там было очень большое здание и много народа. Моя знакомая была единственной женщиной на той командировке, она ходила, как хозяйка.

Познакомила она меня с епископом из города Золотоноша. Рассказала, что это большой человек, он и царя помнит, а посадили его за веру, как и многих. Этот священник повёл нас в лес, там стояла деревянная часовенка, скамейки, рядом родник. Там он и окрестил моего Юрика. Он мне сказал: «Теперь этот ребёнок будет мой крестник. Я дам тебе свой адрес в г. Золотоноша, у меня семья очень порядочная, если будет трудно - приезжай, мы тебе поможем».

Погостила я у неё дней пять, потом вернулась. Пробыла я на этом острове около года.

И вот в 1932 году пришёл приказ забрать у матерей детей и отправить их в детские ясли с Соловков. Ох, и переживали мы. Я выступила перед заключенными... со своими стихами, там были такие слова:

Что ты, сыночек, делать будешь?
Без мамы как сиротке жить?
Но я клянусь, клянусь, мой милый,
Тебя по-прежнему любить.

Сидеть осталось нам немного,
Решётки свалятся с груди.
Я попрошу, сынок, у Бога
Немного счастья впереди.

Сколько было слёз, но вскорости пришёл приказ освободить матерей с детьми. Я не досидела 71 день. Освободилась, уехала и стала жить под своим именем. Мальчик прожил около двух лет, потом умер - не мог акклиматизироваться.

Я закончила техникум, вышла удачно замуж. С мужем жили дружно, было у нас 7 детей. Муж погиб на войне. Детей воспитывала одна. Работала всегда не только за себя, но, как говорится, и «за того парня», а иначе ведь в жизни ничего не добьёшься.

Столько лет я хранила в себе прошлое, никому не рассказывала. Все время собиралась съездить в те края, но дела не давали выбраться на другой конец страны. Да и не знаю, могла бы я пережить снова старые воспоминания. Пишу - и то сердце кровью обливается. Думала, что все забыла, но всплывают в памяти названия мест, где пришлось побывать: Разнаволок, Княж-губа, Кандалакша, Званка, Соловки...

Соловецкий вестник.-1991.-№2.

АНЕЛЬКА

Анелька Кмецинская в годы гражданской войны была школьницей старшей ступени, с виду же она казалась совсем девчонкой: маленькая, живая, весёлая и прехорошенькая. Со временем Анелька обещала стать красавицей: пепельная блондинка с тяжёлой косой, тонкими чертами и нежным овалом лица. Её синие глаза, широко и жадно смотрели на мир, она была восторженной фантазёркой, ничто обыденное, житейское она просто не замечала.

Многие ею не на шутку увлекались, но к флирту она была равнодушна, держалась неприступно.

Нашлись люди, занимавшиеся политикой, которые надумали использовать её обаяние как средство вскружить голову одному из политических противников с целью выведать у него определённые сведения. Анелька была заинтересована предложением вступить в политическую борьбу и задание выполнила с успехом. В ней обнаружились незаурядные актёрские способности, она флиртовала, как заправская кокетка... Когда цель была достигнута, ей дали новое поручение. Анельке льстило доверие, оказываемое взрослыми, и она старалась выполнять всё, что скажут. Как увлекательно чувствовать себя смелой и находчивой, героиней, вроде Шарлотты Кордэ, беззатратно жертвовавшей собою ради служения народу! Правда, Анелька не очень-то разбиралась, что именно нужно её народу, но она верила взрослым «идейным людям».

И она продолжала бесстрашно плыть над пропастью, пока в неё не свалилась. Из водоворота жизни, волнующих приключений она оказалась запертой в тесную клетку. Через месяц после ареста её приговорили к высшей мере наказания, но, поскольку она была несовершеннолетней, эту меру заменили десятью годами одиночного заключения.

Десять лет... В её возрасте эта цифра плохо осознавалась. Пугало лишь то, что она как бы заживо похоронена, оторвана от мира, что многие годы не увидит даже неба, потому что окно было закрыто снаружи деревянным щитом и чугунной решёткой. Через десять лет ей будет уже 26!

<...>На шестой год тюремное заключение неожиданно было заменено концлагерем. Анелька, наконец, покинула свой склеп и вновь увидела мир и людей. Но Боже мой! Как тяжело было первое соприкосновение с действительностью.

Ранней осенью 1929 года Анельку посадили в «чёрного ворона» и привезли на вокзал на запасные пути, где стоял эшелон с этапом.

В вагоне было много женщин, пожилых и ещё юных. Они толпились и толкались в потёмках. Их разговоры и настроение привели Анельку в тяжёлое недоумение: она поняла, что никому не нужны и никем не будут поняты те заветные слова любви и привета, которые она готовила долгие годы для первых встречных, кого она встретит на свободе. Спутницы её - в основном монашки - вздыхали и причитали, стараясь отмежеваться от молодых, которые гадали и переругивались, употребляя много непонятных и, видимо, нехороших слов. Все они, в свою очередь, насмешливо косились на неё, инстинктивно чувствуя чужую, непохожую на них. Вид у неё и вправду был несколько чудаковатый: девический чистый облик и детское выражение лица, длинные косы, платье, давно выпавшее из моды. Её же шокировал вид окружающих: стриженые головы, платья выше колен по тогдашней моде, накрашенные губы, вульгарный смех, махорка...

И с жадным вниманием прильнула она к окну вагона, где чередовались леса, поля, деревни, воскресавшие воспоминания детские. Она так долго не видела солнца, детей, животных, и теперь радовалась всему сама, как маленький ребёнок.

На третий день их вывели из вагона и после долгих и утомительных осмотров, регистрации погрузили в трюм парохода. В тот же день пароход причалил к пристани бывшего Соловецкого монастыря. <...> Через три дня, проведённых в «карантине», Анельку направили вглубь острова на торфяные разработки. Здесь мы и встретились с ней впервые.

На мшистом болоте, вдали от дороги, около небольшого озера в лесу стоял низкий дощатый барак. Слева от барака колеблющиеся дощечки вели к сарайчику без окон с всегда открытой дверью. Назначение сарайчика было ясно по запаху... Справа же от барака стоял другой сарайчик, двери которого, наоборот, всегда были на замке. Назначение его тоже было нетрудно угадать - оттуда обычно неслись крики и ругань - это был карцер. Внутри барака вдоль стен тянулись сплошные широкие нары, где тесным сплошным слоем размещалось пятьдесят женщин.

Здесь, как и в этапе, преобладали молодые, шумные и грубые женщины - «урки», как они себя с гордостью называли. Политическая «казарка» Анелька, как бы законсервированная в шестнадцатилетнем возрасте, хотя ей было уже 22, наивная и застенчивая дикарка, казалась среди них белой вороной и вызывала к себе недоброжелательное, насмешливое отношение. Она же страдала от невозможности хотя бы какое-то время бывать наедине.

Спали в бараке вповалку, не раздеваясь, положив под голову свёрнутую верхнюю одежду. Утром, после побудки, не мылись, не причёсывались, а, вытащив из-под подушки кусок чёрствого хлеба или воблу, торопливо ели тут же, на нарах, сыпля вокруг крошки и рыбьи кости. Затем наспех пудрились, красили губы и выходили на поверхку.

Командирша ставила женщин в строй лицом к озеру, и до прихода дежурного по лагерю все должны были практиковаться в счете, выкрикивая слова «первая», «вторая». Или же крича бессмысленное слово «здра!», которым полагалось приветствовать дежурного.

-Здравствуйте, женщины!

...Тут полагалось выдержать паузу, достаточную для того, чтобы набрать в грудь воздуха, потом выкрикнуть разом, как бы единими устами это дикое:

-Здра!

Гордостью каждого командира было добиться от своей роты полного слияния голосов.

Дежурный, приняв от командира рапорт, обращался к роте со строгими наставлениями, причём упор был на запрещение какого-либо общения с мужчинами. Все слушали со скучающими лицами, так как хорошо знали, что именно во время этой «проповеди» дежурный высматривает хорошеных, и к ночи непременно пришлёт командирше официальное «затребование» на поломойку или прачку, причём назовет конкретную заключённую...

Красота Анельки не осталась незамеченной, но её суровость и неприступность парализовывали даже лагерных гепешников. До времени её оставили в покое, дабы она «акклиматизировалась».

Анелька быстро поняла всю меру лжи, разврата и лицемерия, царивших в лагере, и отвращению её не было предела. К тому же резкий переход от одиночества в этот изломанный мир явился для неё шоком, перешедшим в тяжёлую форму истерии. Она стала вдруг резка и заносчива, грубила начальникам, отказывалась от работы, демонстративно нарушила правила лагерной жизни. Во время приступов депрессии она объявляла голодовку, глотала острые предметы. Разумеется, её часто отправляли в карцер, но там она как будто даже успокаивалась: благодетельное одиночество ей нравилось.

<...>...Как-то утром в последних числах сентября женщины вывели «с вещами» и погнали через весь остров к отдалённой пристани. Оттуда на парусных лодках переправили на самый дальний остров архипелага - на Анзер.

На этот раз Анелька попала в старинное каменное здание бывшего Анзерского скита, часть которого была отведена под женбарак. В камерах были не нары, а отдельные топчаны, и тут можно было на ночь раздеваться. Умывались, правда, из озера, если тут же, на топчанах - столов не полагалось. Окружение то же - воровки и проститутки, преследовавшие Анельку. Их словно раздражала девственность и моральная чистота девушки. Грамотных и интеллигентных женщин на Анзере было немного.

Анельку заметили, назначили делопроизводителем в хозчасть. Начальником ее был старый сластолюбец, пленившийся красотой Анельки и мечтавший отнюдь не о платонических отношениях с подчинённой. Положение Анельки стало ещё мучительней, когда к ней стали липнуть и другие служащие хозчасти. Даже начальник острова заметил её и тоже не давал прохода двусмысленными любезностями. Анелька давала всем резкий отпор, но чувствовала себя затравленным зверьком. Из делопроизводителя ее в любой момент могли разжаловать, и тогда ничто не спасёт её от «запроса» первого же попавшегося начальника, который потребует «прачку» или «поломойку».

По утрам Анелька торопилась уйти из камеры, где её травили женщины, и попадала под перекрёстный огонь преследовавших её мужчин. Всё служебное время она старалась не отрывать глаз от бумаг и не говорила ни одного лишнего слова. По воскресным дням она не ходила, как другие, на прогулку (попарно, под конвоем командирши), не заглядывала в «Красный уголок». Она сидилась у окна и, глядя на морской залив, пела любимые тюремные песни. Кто знает, о чём она думала. Может, жалела о прежнем одиночном заключении, когда заочно любила всех людей и верила в справедливость. А сейчас в её душе одно презрение и животный ужас перед преследователями, особенно перед начальником. Нет, в одиночке было лучше и безопасней...

Однажды в начале зимы среди ночи весь женбарак был поднят на ноги: Анелька отправилась уксусной эссенцией. При свете тусклой керосиновой лампочки она металась на топчане, корчась от боли, а вокруг гадели женщины, обсуждая событие. Дежурный затребовал лошадь из Сельхоза, и едва живую девушку на розвальнях отправили в больницу на горе Голгофа. Там находился бывший скит, ныне лагерная командировка. А женщины ещё некоторое время толковали о происшедшем, сойдясь во мнении, что Анелька умрёт по дороге в больницу, потом легли досыпать. Утром о произошедшем уже никто не вспоминал.

Однако, она не умерла. Когда лагерный врач увидел её ночью, такую трогательно молодую и красивую, с запавшими синими глазами, густыми пепельными волосами, он поклялся сам себе, что сделает всё для её спасения. Человек он был импульсивный, энергичный, и со всей серьёзностью принялся за лечение Анельки. Замкнутая и упрямая девушка, поначалу не желавшая, чтобы ее спасали, натолкнулась на такой же упрямый характер.

Врач, крупный и сильный, ещё молодой и привлекательный, ни поведением, ни характером не походил на преследователей из хозчасти. Дни и ночи он терпеливо следил и ухаживал за Анелькой. В конце ослабевшая, она стала пассивной и подчинилась его лечению. Она то впадала в забытье, то приходила в себя. И всё время видела возле себя этого утомлённого бессонницей внимательного человека. И сама подолгу смотрела на него строгими и недоумевающими синими глазами.

Случилось чудо. Анелька ещё находилась на грани жизни и смерти - и вдруг она влюбилась. Она почувствовала себя женщиной. И захотела жить.

Анелька стала выздоравливать. Когда она встала на ноги, доктор оставил её в больнице и назначил на должность сестры-хозяйки, место это только что освободилось.

Анелька словно переродилась: ровная, приветливая, она излучала тихое, стыдливое счастье. От недавней истерии не осталось и следа. За порученную работу взялась с увлечением. Ей так хотелось оправдать доверие доктора, быть достойной его выбора... В быту и питании больных произошли разительные перемены: прекратились негласно узаконенные хищения продуктов, сестра-хозяйка чаще меняла белье, старалась внимательно относиться к просьбам больных. И сам врач тоже переменился в лучшую сторону. Раньше он часто был придиричив, суров с персоналом, грубо вел с больными. Сейчас ходил веселый, доброжелательный ко всем, охотно поддерживал здравые предложения Анельки по улучшению больничного быта, и даже бросил пить, а этот грех за ним раньше водился.

Причина такой метаморфозы была, конечно, всем ясна. Никто не осуждал Анельку и доктора, наоборот, атмосфера в больнице всех только радовала. А больные девушку просто боготворили.

Однако, голгофские перемены вызвали совсем иную реакцию в бывшем Анзерском ските. Женщины, сокамерницы Анельки, открыто злословили: «Тихоня, скромница! Прибрала к рукам врача и вертит им, как хочет!» Мужчинами же случившееся было воспринято с обидой и злобой. Они чувствовали себя одурченными, оскорблёнными в своем мужском достоинстве.

Когда же рассказы о голгофской идиллии дошли до начальника острова, ухаживания которого были некогда отвергнуты Анелькой, он решил вмешаться самым категоричным образом и пресечь роман. Тем более, что лагерные законы формально преследовали всякое общение между полами.

...Как-то главврача срочно вызвали на отдалённую командировку к больному. Анельку же пригласили в адмчасть и велели в полчаса собраться «с вещами».

Она рассказала мне, что её переводят куда-то на главный остров, но, поскольку нет ночью переправы, до утра она должна пробыть в женбараке Анзерского скита.

Я тогда была заведующей женской кустарной мастерской, имела отдельную келью-камеру. Понимая, что Анельке не хотелось бы снова оказаться среди бывших товарок, я пригласила её побывать у меня.

Раскрасневшаяся, она сидела за чашкой чая и рассказывала мне о работе в больнице. Я поражалась перемене, происшедшей в девушке: ни былой нервности, ни резких выражений. В манере держаться, говорить - мягкость, чисто польская женственная грация. Она ничего не рассказывала об отношениях с главврачом, но, что бы ни говорила, было так или иначе связано с «доктором». Называя его, она всхлипывала, как девочка. Любуюсь ею, я вспоминала Пушкина: «Нет на свете царицы краше польской девицы»...

- Я совсем налегке, без вещей, - говорила она. - Случайно так получилось, что меня вызвали, когда доктор уехал на дальнюю командировку. А мои вещи, зная о воровстве в камерах, доктор предложил держать в его комоде. И вот у меня не оказалось ключа. Да я не расстраиваюсь, это какое-то недоразумение. Доктор не позволит забрать меня из больницы, он был так доволен моей работой...

Далеко за полночь в келью заглянул старик-дневальный:

- Кмецинская у вас? Пусть оденется и выйдет на дорогу к часовне. Её ждут...

Анелька всхлипнула, засутилась:

- Это он! Я знала, что он, как только вернётся и узнает, что меня увезли, бросится за мной...

По моему совету, чтобы не быть узнанной, Анелька надела мою шубу и шапку и убежала.

Она пропадала больше часа. Вернулась возбужденная и сияющая, кинулась мне на шею:

- Я угадала: он узнал и бросился в погоню на лыжах. Он правильно рассчитал, что ночью меня не перевезут. Он сказал, что не успокоится, пока не добьётся моего возвращения. А он человек железной воли, ему все невольно подчиняются...

Мы так и не ложились спать в эту ночь. Анелька, видимо, нарушила «обет молчания», и ей надо было выговориться за многие годы... Так я узнала её историю до лагеря, услышала рассказы о жизни в Анзерском ските, о романе с доктором.

- Я не боюсь разлуки, - говорила она. - Это же ненадолго! Я теперь вообще ничего не боюсь. Какие бы испытания судьба мне ни послала, я знаю, что он меня любит. Остальное - неважно...

Рано утром за Анелькой запёл конвой, и они пошли на пристань.

Уверенность в том, что Анелька вернётся на Голгофу, не оправдалась. Все хлопоты главврача разбивались, как о каменную стену, об упрямство начальника острова.

Врач безумствовал, свирепел. Прорвался наружу его необузданый темперамент. Встречая каждый новый этап без Анельки, он терял самообладание, позволяя себе дикие поступки, как зверь, у которого отняли самое дорогое. Больных он совсем забросил, а по отношению к начальству проявлял настоящий саботаж: отказывался лечить начальников и их жён, делать неотложные операции, пока ему не возвратят сестру-хозяйку Кмецинскую. Отчаявшись, кончил, наконец, как кончает большинство русских людей: ударился в жестокое пьянство.

Весной в Соловки приехала из Москвы ревизионная комиссия. Члены её объезжали все лагпункты и расспрашивали заключённых о быте, о порядках, о нарушениях. Разговоры были конфиденциальными, и тут многие постарались свести личные счёты.

Недопустимое поведение голгофского врача в последнее время было достаточно полно освещено всеми. Никто не вспомнил о его прошлой деятельности, о его самоотверженности. Умиравшие, которым он облегчал страдания, были уже на том свете, а здоровые, вылеченные им, в больнице не задерживались. В результате никто не сказал ни слова в его защиту. Так фамилия главврача попала в первый же список в дисциплинарном порядке присуждённых к высшей мере.

На следующий день день после приведения приговор в исполнение список казнённых был оглашён в приказе во всех лагпунктах при утренней поверке. Во время чтения приказа в жен бараке первого отделения произошло замешательство: когда в списке между прочими была прочитана фамилия главврача голгофской больницы, стоявшая в последнем ряду маленькая блондинка с длинными косами, внезапно рухнула на пол...

...Через год, меняя лагерь на ссылку, я остановилась проездом на сутки в кремлевском жен бараке. Проходя коридором, я встретила Анельку. Она поспешно пробежала мимо, кивнув головой, как человеку, с которым имеешь только шапочное знакомство. На ней было короткое модное платье, волосы подстрижены под «фокстрот», и без того большие глаза подведены, губы накрашены.

И я поняла: она стала - как все...

1941 г.

Публикация А. Мельник.
Соловецкий вестник.-1994.-№3,4

НА СТЕКЛАХ ВЕЧНОСТИ

На стеклах вечности уже легло
Мое дыхание, мое тепло.
Пускай мгновения стекают муть -
Узора милого не зачеркнуть.
О. Мандельштам. 1909г.

Воспоминания о сестре я не случайно начинаю с дня ее рождения, с младенческих лет. Думаю, что именно в ранние детские годы, при общении с матерью воспитались в ней те черты, которые оказались впоследствии и на её литературной деятельности, и в чёрные дни 1936-37 годов.

Моя старшая сестра Женя родилась 9 января 1905 года. Мама сказала:

- Это символично.

Бабушка добавила:

- Недай Бог.

Женя начала говорить ещё до года и говорила только рифмой: «папа-шляпа», «мама-дама», «нет-ответ» и т.д. Когда через два с половиной года после Жени родилась я, Женя прочла по слуху этого торжества следующее стихотворение,

неожиданное для родителей:

*У моей сестрички Ани носик чуточку курнос.
Но люблю мою сестричку, несмотря на её нос.
Она меня тоже любит, в этом я убеждена,
Во всем я ей помогаю, как же не любить меня!*

Когда же в 1914 году родился наш с Женей брат, она написала в честь него стихотворение, полное патриотизма:

*Есть у меня братик, еще небольшой.
Будет он солдатик, будет он герой.
Будет славный воин, победит врага.*

Будет его имя славиться всегда. Женя была музыкальна. Несмотря на отсутствие достатка, родители стали учить её музыке, и, хотя музыкантом она не стала, любовь к музыке и чувство гармонии рано позволили ей ощутить музыкальность поэзии.

В годы гражданской войны в нашем городе Днепропетровске бесконечно сменялись власти: появлялись то махновцы, то деникинцы, то банды Шкуро. Когда город во второй раз готовились взять красные, к нам в квартиру ворвался пьяный белый офицер, поставил отца к стенке и, шатаясь, направил на него пистолет. И тогда маленькая и хрупкая Женя бросилась к нему и схватила его за ногу. От неожиданности офицер упал. Тут появился его денщик, взвалил его себе на плечи и унёс. Помню, как плакала мама: ведь офицер мог застрелить Женю! Такое безоглядное бесстрашие было свойственно сестре всю жизнь. Даже когда я думаю о последних минутах её жизни, я вижу её спокойной, мужественной и, как это ни странно, - улыбающейся и гордой. Такой она была всю свою короткую жизнь.

В 1923 году Женя поступила на литературный факультет только что открывшегося в Днепропетровске института народного образования. Однако, летом того же года она уехала в Петроград и поступила на филологический факультет университета.

Лекции Эйхенбаума, Евгеньева-Максимова и профессора-коммуниста Горбачёва оказали на неё большое влияние. Вообще же следует сказать, что профессор Горбачёв был первым, кто обратил внимание на маленькую талантливую студентку Женю. Он стал её учителем, наставником и взял её в большую литературу. Горбачёв сформировал группу молодых талантливых критиков, куда входила и Женя. Судьбы Жени и Горбачёва во многом оказались одинаковыми: Горбачёв был арестован в декабре 1934 года, находился в Верхне-Уральском изоляторе, впоследствии был расстрелян. По словам сотрудников КГБ, занимавшихся реабилитацией Жени, её дело находилось в связи с делом Горбачёва и всей их литературной группы.

Учась в университете, Женя вступила в группу, сформированную Горбачёвым, - вместе с Саяновым (тогда Махниным), Марией Терентьевой (женой Ивана Катаева), Яциновым, Лукницким и другими. В то время она часто выступала со стихами на университетских вечерах. Но кроме университета, она нигде и никогда своих стихов не читала, нигде и никогда их не печатала, хотя всю жизнь писала. Её любовь к поэзии и верность ей сказывались в её литературоведческой деятельности: основные её работы касались творчества именно поэтов. Статьи Жени публиковались в разных журналах. Для примера приведу её работы: «Лирика Маяковского» (журнал «Литучёба», № 5, 1935); «Поэмы Маяковского» (журнал «Литучёба», 1935); «Молодая ленинградская поэзия» (журнал «Звезда», № 5, 1934) и т. д.

Когда Корней Чуковский и Евгеньев-Максимов редактировали первое советское издание Некрасова, они предложили Жене написать вступительные статьи к третьему и четвёртому томам. Вот эти статьи: «Некрасов-беллетрист» (Собр. соч., т. 3, 1930, М.-Л.); «Три страны света» (Собр. соч., т. 4, 1931, М.-Л.).

Некрасов долгое время оставался любимым поэтом Жени. Множество раз она перечитывала его поэму «Русские женщины». Могла ли Женя предполагать, что надрывающие душу строчки

*Далёк мой путь, тяжёл мой путь,
Страшна моя судьба...*

в скором времени с полным правом можно будет отнести и к ней, и к тысячам других женщин, связанных одной бедой!..

< ...> Впоследствии наряду с Некрасовым её любимым поэтом стал Маяковский; думаю, потому, что он, как и Некрасов, - поэт-гражданин в высочайшем смысле этого слова. Женя, написала книгу о творчестве Маяковского, и та была сдана в Лениздат в 1935-36 годах. Я видела даже сигнальный экземпляр этой книги, но в свет она уже не вышла.

Женю перестали печатать после убийства Кирова 1 декабря 1934 года, тогда же был арестован Горбачёв. Но в «Литературной энциклопедии», вышедшей до рокового убийства, помещена была следующая заметка о Жене:

«Мустангова Е. (псевдоним Евгении Яковлевны Рабинович), 1905 года рождения. Современный критик. Примыкала к левонансовскому меньшинству ВАПП, затем к группе «Литфронт». В своей книге «Современная русская критика» (1929) Мустангова не дает чёткой политической квалификации взглядам Троцкого, Воронского, считая последнего представителем марксистской критики. Всё это делает книгу Мустанговой неприемлемой для современного марксистского литературоведения».

Летом 1936 года были арестованы ближайшие друзья Жени: литературные критики Бескина, Штейман, Майзель, писатель Леонид Грабарь и другие. Крайне удрученная, Женя уехала в свой любимый Коктебель. Она всегда уезжала туда, когда ей приходилось тяжко: там ждал друг - Максимилиан Волошин. Он скажет «девочка моя» и утешит, как утешал в те грозные времена многих, потому и писал:

*В те дни мой дом, слепой и запустелый,
Хранил права убежища, как храм,
И растворялся только беглецам,
Скрывавшимся от петли и расстрела.*

В 1936 году Волошина уже не было в живых, но великая его душа ещё осеняла приютный дом в Коктебеле. Утешительного общения с ней и жаждала догадывающаяся о своей судьбе Женя.

Мы в письмах умоляли Женю задержаться у гостеприимной матери Волошина, или не возвращаться вовсе: кругом шли

аресты. Однако, Женя считала невозможным оставаться вдалеке и в относительной безопасности. Она вернулась в Ленинград.

Первым, кого Женя встретила в Ленинграде, был добрейший Михаил Михайлович Зощенко. Он чувствовал чужое горе, как своё, был осведомлен об арестах и понимал Женины горечь и растерянность. Он пригласил её пообедать в ресторан Союза писателей и потом проводил домой.

- Могу я зайти к Вам? - спросил он.

Женя сказала:

- Нет, простите.

И пояснила:

- Вечером я никого к себе не приглашаю, так как жду гостей.

Мне рассказал об этом сам Зощенко. На другой день после их встречи Женю арестовали. Произошло это на квартире, где она жила, в Чернышевом переулке.

Комната Жени была опечатана, имущество конфисковано. Ни одного листка из её архива, в том числе многочисленных тетрадей со стихами, вернуть впоследствии не удалось.

Мы постоянно ходили в справочную НКВД, но там не давали никаких официальных справок и передач для Жени не принимали. По слухам, она находилась в тюрьме на Шпалерной (так называемая, внутренняя тюрьма).

Весной 1937 года мы получили по почте грязный треугольник без марки, видимо, отправленный с неизвестной оказией. То была первая весточка от Жени. Она писала: работаю в сельском хозяйстве, много дышу свежим воздухом, верю, что всё выяснится, и мы будем вместе.

Письмо было бодрое, почерк обычный.

Так как на треугольнике стоял штамп «Кемь», мама немедленно поехала туда, но ничего узнать не смогла, как ни старалась.

После ареста Жени у меня оказалось много свободного времени, так как меня уволили с работы в институте. И дума, возникшая еще в декабре 1934 года, не отпускала, преследовала меня: откуда взялся страх, обувавший всех без исключения? Почему без тени протеста люди позволяют уничтожать других людей?

В июле 1937 года арестовали моего мужа, через десять дней после его ареста отправили в Арсенальную тюрьму и меня.

Лишившись обеих дочерей, мама обратилась к ленинградским писателям, знавшим Женю, с просьбой заступиться за неё, а для этого подать ходатайство о пересмотре её дела. Далеко не все решились на этот отчаянный поступок. Вот свидетельства некоторых из тех, кто пренебрёг опасностью:

«Я, писатель Юрий Павлович Герман, знаю критика Мустангову как честного человека, никак не способного к двоедушине, и думало, что пересмотр дела Мустанговой несомненно выяснит её невиновность и вернёт в ряды советских литераторов талантливого работника. Писатель-орденоносец

Ю. Герман,

7 мая 1940 года».

«Мустангова была одним из самых талантливых молодых советских критиков, она в своей работе никогда не шла по линии наименьшего сопротивления, у неё всегда были свои самобытные взгляды. Никаких антисоветских мыслей нельзя даже предположить в этом абсолютно советском человеке.

Писатель-орденоносец КИ. Чуковский».

«Никогда за все мои встречи с Евгенией Яковлевной Мустанговой я не слышал от неё ни слова недовольства, ни одного высказывания или мнения, хотя бы косвенно противоречащих политике ЦК ВКП(б), а вместе с тем в литературных суждениях она всегда была правдива и настойчива в своих высказываниях, всегда отстаивала своё мнение, никогда не поддавалась под мнения собеседника.

Я заключаю из этого, что и о своих политических симпатиях она не сумела бы скрывать и таить про себя, при её горячности и прямолинейности.

Что касается одаренности Мустанговой как литературного критика, то, вне всякого сомнения, среди многочисленных кадров молодых критиков от Мустанговой ожидали многое.

Н.Н. Асеев, 3 июня 1940 года».

Подобные ходатайства были написаны также Виссарионом Саяновым, В. Евгеньевым-Максимовым, Николаем Тихоновым.

Через некоторое время после подачи ходатайства маму вызвали в Военную коллегию Верховного суда. Её принял сам Ульрих и сказал: «Дело пересмотру не подлежит, так как все предъявленные обвинения ваша дочь признала и закрепила это собственной подписью».

Мы не знали тогда, что Жени уже не было в живых.

После XX съезда партии я подала заявление о пересмотре Жениного дела на предмет её реабилитации и в 1956 году получила справку о реабилитации Жени. Так как в справке было указано «посмертно», то я скрыла её от мамы. Но мама узнала горькую правду, получив справку из Ленинградского отделения Союза писателей:

«Слушали: о посмертном восстановлении в правах члена Союза критика Е. Я. Мустанговой.

Решение: восстановить посмертно в правах члена Союза с 1934 года Мустангову Евгению Яковлевну.

На ближайшем заседании Секретариата поставить вопрос о создании комиссии по литературному наследию Е. Я. Мустанговой».

Из отзыва о критических работах Жени:

«...Следует признать, что по основному своему направлению... статьи Мустанговой имели для развития советской критики положительное значение.

...Серьёзным достоинством статей Р. Мусгановой по сравнению со статьями многих других рапповских критиков того же времени является то, что анализ идеологических вопросов не подменяется в этих статьях демагическими приёмами, угрозами, оскорблением и т.д.

...В настоящее время статьи Р. Мустанговой потеряли свой научный интерес и не могут претендовать на переиздание.

*ст. научный сотрудник ИНАИ Академии наук СССР,
кандидат филологических наук...»*

...Отлетело легкое Женино дыхание. Хрупкий росток таланта был вдавлен в землю кованым сапогом, и не с кого спросить за то, что не дали ему вволю тянуться к солнцу. И остается вместе с комком в горле проглотить эти слова: всё, что осталось от человека, не представляет научного интереса.

В ноябре 1956 года мы получили первое свидетельство о Жениной смерти. Там говорилось, что Женя умерла от крупозного воспаления лёгких на Соловках в 1940 году.

В 50-х годах вернулся в Ленинград из Норильска Зиновий Штейман, добрый Женин знакомый, входивший в одну с нею литературную группу. Он рассказал некоторые подробности о суде, приговорившем Женю.

Суд был групповой, в последнем слове осуждённым ничего не дали сказать. Штейман сидел рядом с Женей, держал ее за руку. Она была спокойна, совершенно владела собой. Её приговорили к 10 годам заключения и к 5 годам поражения в правах.

Всех, проходивших по делу, отправили на Соловки. Однако, позднее Штеймана вывезли в Норильск, о судьбе остальных он ничего не знал.

Новые попытки узнать правду о судьбе Жени я предприняла в 1988 году, в расчёте на благодатное влияние перестройки. Я обратилась в учреждение на Литейном и говорила там с сотрудником, который запросил дело из архива. Но взглянуть в него он мне не позволил и упорно утверждал, что данные полученного мною свидетельства о смерти Жени верны. Но я знала, что это неправда: было уже обнародовано, что лагеря на Соловках ликвидировали в 1939 году. Впоследствии фильм «Власть Соловецкая» подтвердил это. Потому я продолжала ходить в КГБ, писала в Министерство юстиции, в Военную коллегию. И получила второе свидетельство о Жениной смерти. В нем была изменена только дата смерти: теперь это было 5 ноября 1937 года.

А возраст бездушный писарь, или кем он там работал в КГБ, оставил тот же: 35 лет. Получалось, что и в 40-м и в 37-м Жене было одинаково 35 лет. В графе «Место смерти» стояло - Ленинград.

В конце-концов, я кое-чего добилась от КГБ, но кто объяснит мне, почему этих простых вещей надо добиваться?

Сотрудник с Литейного рассказал, что в отношении всей группы, в которую входила Женя, было решение Ленинградской «тройки» в составе уполномоченного НКВД Заковского, прокурора Позерна и секретаря горкома Шитова: «По вновь открывшимся обстоятельствам» «тройка» приговорила всю группу к расстрелу. Резолюцию о расстреле наложили на список приговорённых 28 октября 1937 года. Приговор привели в исполнение на Соловках 4 ноября 1937 года».

Когда я пришла в ЗАГС получать четвёртую по счёту справку о Жениной кончине, с меня потребовали сдать все предыдущие, как теперь выяснилось, - ложные. В 1989 году не имело смысла продолжать скрывать правду, давно мощным потоком захлестнувшую нас.

Я сняла со всех справок нотариально заверенные фотокопии и после этого отнесла оригиналы в ЗАГС. И получила страшную в своей правдивости бумагу, в которой стояло: «причина смерти расстрел, место смерти - Соловецкие острова».

Мы с братом съездили этим летом (в 1989 году - ред.) на Соловецкие острова в составе делегации от «Мемориала». До Кеми ехали поездом, потом на катере шли по Белому морю. Ещё издали увидели мы необыкновенной красоты строения Соловецкого монастыря.

Я узнала, что женский лагерь находился на острове Муксалма. Дорога туда была плохой, и мы отправились туда на вездеходе, ведомом водителем-виртуозом. С трудом преодолели бесчисленные препятствия.

На острове сохранились два барака, один полуразрушенный скотный двор и маленький домик из бревен с колодцем внутри. Бревна исписаны были чьими-то именами.

Нас с братом облепили комары, но мы не спешили уйти: хотелось почувствовать, что пришло здесь испытать нашей Жене.

Шоффер помог нам раздобыть лопату, мы накопали мешок соловецкой земли и привезли её в Ленинград. На Преображенском кладбище, где похоронена наша мать, мы поставили Жене небольшой памятник, а цветник вокруг него заполнили соловецкой землей.

Над выросшими в ней цветами - фотография живой улыбающейся Жени... Вот так же, улыбаясь, обернулась она однажды ко мне и прочитала:

Милый, помнишь вербу
На Страстной неделе.
Синий Исаакий
Дымный плац Петра!
О, какое небо!
Там, в ином аэреле,
Нам с тобой приснятся эти вечера...

Я спросила:

- Почему ты вспомнила это?

- Не знаю. Пришло в голову.

...Под фотографией земной цветущей женщины, которой предстояла длинная, полная творческих исканий жизнь, короткая подпись: «Род. 1905, трагически погибла».

Рассказ записан Т. ТИГОНЕН.

8 декабря 1989г

Соловецкий вестник.-1991.-№16.

ПИСЬМА С СОЛОВКОВ

Несколько лет назад мы ничего не знали о Казаринове, кроме того, что вместе с А. А. Евневичем

П. К. Казаринов в 1935 году составил каталог «Историко-археологические памятники Соловецкого архипелага». На одну из публикаций в газете, где упоминалось имя Казаринова, откликнулись его родственники, живущие в Новосибирске. От них были получены документы, письма, воспоминания об этом незаурядном человеке.

Пантелеимон Константинович Казаринов родился в 1885г., учился в Иркутской духовной семинарии, откуда был в 1905г. исключен за революционную деятельность. В 1910г. окончил Петербургский университет (юридический факультет). С 1918г. – энтузиаст сибириеведения, известный библиограф и краевед. С 1927г. – учёный секретарь Сибирской Советской Энциклопедии. Арестован в 1933г. и сослан на Соловки. Реабилитирован в 1958г. Семья была выдана официальная справка о смерти Пантелеимона Константиновича от стенокардии в октябре 1939г. Лишь недавно после нового запроса было получено сообщение, что Казаринова расстреляли 29 октября 1937года на Соловках. Всё тот же печально известный расстрел осенью тридцать седьмого...

Жена его Анна Фоминична была медсестрой, умерла в год его реабилитации. Нет в живых и сыновей: один был профессором, доктором геолого-минералогических наук, лауреатом Ленинской премии за открытие сибирской нефти, другой – гидрогеолог-изыскатель, всю войну служивший на Балтике. Дело жизни П. К. Казаринова продолжает жена старшего внука кандидат филологических наук, зав. отделом книговедения Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Академии наук СССР.

А. Мельник

Мои дорогие!

Сегодня я был вечером у Леночкиного папы,¹ он меня постоянно зовет к себе и ожидал. Немного побеседовали, угостили меня чаем с медом, маслом, брынзой, сущ. молоком. Он показал мне не один десяток фотографий со своих домашних. Видел я Леночку, ребенка, сыновей, но не было лишь хорошей карточки с Н. Карловны. Видел я снимок той комнаты, где была ты, Нюта. Поговорили о тебе. Я вспомнил часто вспоминаемое свидание. Скоро будет уже полгода с того времени.

Кстати, поедет ли, и когда Варя² в Москву в премиальную поездку, или же это остаётся нереальным? Она не видела Москвы, и в этом отношении отстала от других членов семьи. Вчера у меня был занятый вечер. Пришло читать две лекции на курсах редакторов стенных газет - «Историю рабочей печати» - после небольшой сборки материала.

В ближайший выходной день (15.П.) предстоит повторить в театре мою лекцию о «Калевале», которую я читал 8.П. на собрании инж.-тех. работников в читальном зале. Повторить придется в сокращённом виде перед началом концерта, который будет организован в тот день.

В моем быту пока нет изменений. Нынешняя зима здесь проходит в условиях постоянных и регулярных авиаобращений. Аккуратно приходит почта, и центральные газеты у нас находятся на 4-й день по выходе. Привозятся и тюки с книгами, чего не было в прошлый год.

Стоит тепло, тает снег, и даже странно слышать по радио, что в Западной Сибири стоит температура в 18-20-25 градусов мороза. Вода стала покрывать лёд, и можно опасаться за площадки для посадки самолетов. Но ещё будет похолодание.

Письма от вас, вефнее, от Нюты, радость, и я уже не волнуюсь ожиданием.

В прошлом (последнем от 12.П.) письме Нюта писала, что ССЭ выйдет не ранее июля. Я прямо удивлён, что это издание ещё существует. Скоро будет три года со дня выхода последнего при мне тома. В моё время там выходил ежегодно, хотя и это считалось медленным.

Крепко вас всех целую и желаю здоровья. Берегите себя и заботьтесь друг о друге.

Ваш [подпись].

25.V.1935.

Милая моя Варюша.

Идет, пришла третья весна нашего нового счёта, и я получил твоё как будто третью письмо. Оно принесло мне и радость и наполнило меня твоим далёким присутствием, а вместе с тем и лепетом маленькой Тани - моей невиданной внучки.

Я «радостно» пил в тот вечер чай, хотя и без баклажанной икры. Я был похож на человека, которому рассказывают о цвете и запахе цветка, который растет на альпийских коврах за тысячи километров от него. Я слушал, улыбался, представлял, но непосредственно не ощущал. Нужно, чтобы она меня будила утром, звала пить чай, строго спрашивала за дверью «кто там?», говорила мне своим непохожим языком и слушала у меня многое - что я видел в жизни, а также и те сказки, которые я рассказывал когда-то вам: о сороке, укравшей ложку, о бабушкином пруде и лягушках, о баффосе...

Это было тогда, когда в мирной вечерней комнатной тишине звучало не переводимое ни на какие языки: скрип... Почти похоже на Диккенса, на его сверчка. Вот поэтому-то я в свое время волновался за тебя, когда ходил он,³ и меня не радовали его полевые цветы. Я волновался вместе с тем и за твоего будущего ребенка.

Но случилось сперва одно, а потом и другое. Сперва с тобой, а затем со мной. Сколько пришло пережить тебе, сколько пережила Нюта. Воло, Нене⁴ пришло сразу же сделаться «большими».

Теперь я рад одному, что вы все работаете с увлечением. Ты так пламенно пишешь о своем труде. Я как-то не думал, что педагогическая работа увлечёт тебя. Если ты сама не жалеешь о лаборатории и начатой специальности, то надо думать об углублении своей специальности в области педагогики. Ты ничего не пишешь о своих перспективах. Несомненно, ты думаешь об этом. О заочном, скажем, педвузе. О работе во 2-й ступени. Я прекрасно сознаю всю трудность этих надежд, когда ребёнок снянькой, когда много забот о быте, когда своё личное расклешено.

Я уверен, что твой трудовой энтузиазм будет таким же ярким и дальше.

Не забудь прислать мне фото твое и Танино. На присланной фотографии снимком ребёнка я не удовлетворен. Надо схватить более естественное выражение.

Напиши мне побольше о маме, о мальчиках. Последние мне иногда пишут о своих работах. Но их личного быта - в частности, Володиного - я не знаю.

Передай Фале⁵, что лично я её также часто вспоминаю, как и всех вас, это она сама знает, что обижаться на меня у неё столько же поводов, сколько и у меня. Я всё же не обижалась.

Лично я живу и не жалуюсь. Работа есть и здесь. Имею книги, газеты, очередные хлопоты. Даже делаю что-то немного похожее на научную работу. За данные работы я представлен к премированию в ББК⁶.

Крепко целую тебя, Таню, Нюту, мальчиков, Фалю.

Надеюсь, что следующее письмо ты напишешь мне раньше, чем через год. Твой [подпись].

8.XI.1936.

Милые мои родные-дорогие!

Ярко вспоминаю вас и всецело думаю о вас всех в эти праздничные дни. Не писал я вам с 23.Х, когда послал своё 3-е письмо за октябрь и открытку Карлу.⁷

За этот отрезок времени было немало впечатлений. Во 1-х, два письма от Нюты (от 9.Х. № 3 и от 26.Х без №). Я так рад, что вы все здоровы и благополучны. Вафишу поздравляю с новорождённой крошкой-дочкой, которую, очевидно, называли Наташей (Нюта мельком написала её имя и неразборчиво). Понимаю, как много хлопот и забот это прибавляет в жизнь Вари и Серёжи. Они, очевидно, ещё не устроились удобно и живут теперь вчетвером в одной комнатке? Всё это преодолимо, они молоды, и вся жизнь впереди. Я теперь так мало придаю значения условиям быта и обстановки. Ещё раз поздравляю их, а тебя, Нюту, со второй внучкой.

«Здравствуй, племя молодое, незнакомое!» - как сказал когда-то Пушкин.

Жадно ловлю каждую строчку о моих мальчиках. Думаю, что Володина жизнь налаживается окончательно: у него и учёба, и семья. Не вполне представляю теперешний быт, и потому больше думается и тревожится о нём. Когда же ты, Нюта, увидишь его, неужели только в январе?

Вполне понимаю, что ты, Нюта, настойчиво помогаешься работы, и не только от одиночества, но и из-за материальных затруднений. К преподаванию ты присоединяешь ещё работу в магазине. Думаю, что ты будешь уставать, да иходить из-за Каменки в центр магазины будет далеко. И не будет ли тебе трудна сама работа? Товар этот очень разнообразен, текуч, мелок, за ним надо целый день ходить, бегать... А потом плестись через весь город домой.

6/XI перед праздниками мне объявили о получении на моё имя 2-х посылок. Получить я их не успел, и получу через два дня. Из письма вижу, что это ты, Фаля, и Варя снабдили мне какое-то баловство. Ты сидишь без денег и последний рубль тратишь на посылаемое. У Вари тоже пусто в кафтане. Фале и Варе я напишу особо - я всегда отзываюсь, когда меня чем-либо вспоминают, пусть не письмом, а вещью. Я очень тронут, благодарен за эту заботу, память и внимание.

Ещё в прошлом письме ты, Нюта, меня сильно напугала угрозой выслать одеяло. Но я подумал, что это оптика: не одеяло, а отрезок на подшивку. Теперь оказалось, что ты высыпала всё-таки какое-то одеяло и ещё намерена послать подкладку и вату. Если материал было достать трудно и дорого, то можно было приобрести 2 мягких мешка, распороть и выстилать. Вот и всё! А ты всё это преувеличила. Больше ничего не буду заказывать.

Замечанием о Соне ты меня огорчила. Я ей всей душой признался и очень высоко ценю её поддержку - и моральную, и материальную-, которую она оказывает тебе. Ценю и постоянно добровольное отношение ко мне. Но ведь Соня уезжала куда-то в Тулу, и я просто не знал о её возвращении. Прошу передать ей мой сердечный привет и пожелать здоровья и бодрости.

В последнее время вспомнил меня и Карл. От него и получил тючинку местных газет, в которых я вычитал немало интересного о жизни родного города. Следом я получил от него по телеграфу перевод 100 р. Это меня обеспечивает по меньшей мере месяца на четыре.

Поблагодари его за это в своем письме, а я напишу ему в этом месяце, если будет, возможность.

С 1/XI я не работаю в библиотеке, где пробыл 2 года и 2 месяца. Все мы трое переведены на другие работы. Годовую инвентаризацию и передачу библиотеки закончили вполне благополучно. Я несомненно менее теперь занят и не живу той напряжённой и нервной жизнью, как это было недавно. Читаю много. Чтобы уточнить вопрос о возможных нагрузках меня новыми работами, я просил освидетельствовать меня в комиссии, так как физически я не в состоянии работать. Меня освидетельствовали и признали все те болезни, о которых я тебе лично рассказывал, и отнесли меня к полувинвалидам (2-ю категорию по хозяйствственно-лагерной обслуге). Пока я состою сторожем и пользуюсь воздухом 8 час. в сутки. Всё теплое и меховой тулуп у меня есть. Возможно, что в дальнейшем буду иметь какую-либо другую работу. Этими своими обязанностями я крайне доволен и чувствую себя превосходно.

Октябрьские праздники прошли оживлённо. В театре ставилась пьеса Гусева «Слава». Она мне понравилась меньше, чем «Далёкое». Как вы провели эти дни? Обо мне не беспокойтесь, я живу хорошо.

Леночкин папа шлет тёплый привет, Нюта.

Целую вас всех крепко. Ваш папа.

СВИДАНИЕ С ПАПОЙ

Из записок Анны Фоминичны Казариновой,
написанных для сына Владимира

Взят он был в 1933 году, а ровно через год, 22 сентября 1934 года, я имела свидание. Ты тогда жил в Томске, и, конечно, я поехала на твои деньги. Хлопотала я долго, с мая месяца, и мне все говорили, что ничего не выйдет, что на Соловки свидания никому не дают, да ещё через год.

Но у меня, сыночка, в то время было много энергии, силы и желания во что бы то ни стало поехать. Я добралась до Москвы и стала хлопотать, и куда только не обращалась.

И вот Толя⁸ направил меня к Е. П. Пешковой, жене Горького. Она была председателем Об-ва помощи политзаключённым. У Толи в канцелярии были знакомые девушки, они помогли мне получить личное свидание сней.

Я в то время была настолько худая, одна кожа да кости, и, когда нужно было войти к ней, я сильно плакала, глаза были, как у коровы. Я была очень страшная, ей, очевидно, жаль меня стало, а у них тогда только что умер сын, и она сама была очень больная нервами. Она сразу меня усадила

и почему-то всё гладила мне руку.

Я говорила, ей, что Поня (Пантелеимон Константинович) там хорошо и много работает, что имеет благодарности и т. д. Она, помню, улыбнулась и сказала: «Они, милая, там все имеют благодарности». Мы долго разговаривали, и я ждала, что она мне скажет о свидании. Но она говорит: «Я ничем не могу помочь вам, туда свиданий не дают, они считаются «запретниками».

У меня сильно сдавило горло, я встала и хотела идти, она меня вдруг остановила: «Подождите, напишите заявление о разрешении свидания. Может, чего-нибудь сделаем». Я выбежала в канцелярию, а барышни эти меня уже ждали. Они очень обрадовались, стали говорить, что теперь всё будет хорошо.

Пришла, как сказали, через два дня. Мне дали бумажку за подписью Пешковой, что разрешается личное свидание с мужем на 10 дней.

Мы с Толей от радости плясали в комнате. Я пошла с этой бумажкой в бюро пропусков. Из окошечка высунулось злое лицо и рявкнуло: «Вы что, с неба упали? Кто вам сказал, что дадут свидание? Возьмите вашу бумажку и больше сюда не ходите!» В ужасном состоянии я пошла в отдел. Девушки удивились. Дождалась я Пешкову. Она милая такая, меня успокоила, что в бюро ещё не получили извещения, а она делала всё через Горького. Посоветовала туда сходить ещё через два дня.

Я кое-как дождалась, пришла опять. И опять это лицо с криком: «Я вам сказал, чтобы вы не смели ходить, я вас арестую! Мы туда свиданий не давали, не даём и не будем давать!»

Пошла снова в отдел. Пешкова тогда взяла бумажку и написала: «Ввиду исключения дано свидание на 10 дней». И дня через два мне позвонили, что теперь можно приходить.

Я уж боюсь подходить к окошку. А человек высунулся и очень любезно говорит: «А, Казаринова! Ну, вам разрешено личное свидание на 10 дней. Вы поедете сейчас в Медвежью Гору, там вас встретит муж».

Толя поехал меня провожать, и мы чуть не опоздали к поезду. Толя остановил грузовую машину, и мы успели после 2-го звонка. Я вскочила в поезд, а Толя бегом тащил мои вещи и бросил мне их в окно...

Я поехала в тяжёлый, не известный мне путь. Денег у меня было мало, одежда была плохая, даже на ногах лишь лёгкие тапочки. А был уже сентябрь.

Я везла много продуктов Поне. Толя с женой много всего посыпал. Я всё это оберегала, боялась, что при переноске что-нибудь вытащат.

Приехала я в Медвежью Гору, там маленький вокзал. Кругом военные. Я с грузом не знаю, куда приткнуться. Смотрю по сторонам, ищу мужа. Но его, конечно, не было, это был обман.

Я пошла искать место, где бы мне пробыть, пока наводили справки в Москве. Поселилась на частной квартире у карелов. Они очень хорошо ко мне относились, денег с меня не взяли. Мне дали талоны, чтобы обедать в столовой. Это была лагерная столовая, там обедали все заключённые.

Помню один случай: один молодой парень, видя, что у меня ничего нет, принёс глиняную чашку щей, две ложки и кусок хлеба, и он предложил мне с ним поесть. Мне не хотелось есть, но отказаться я не смогла.

С какой сердечностью относились все там ко мне, когда узнавали, что я из Сибири приехала на свидание с мужем! Каждый старался помочь, и я сама чувствовала, что мне все как будто родные.

В Медвежьей Горе было много приключений, неприятностей за пять дней, пока наводили справки в Москве. Ведь начальству я казалась авантюристкой - настолько невероятно было получить свидание.

Наконец, я двинулась дальше, в Кемь - городок на берегу Белого моря. Приехала туда в 6 часов утра. Сдала вещи на хранение, пошла в город - версты полторы по широкому шоссе. Погода была чудесная. Мне сказали, что Управление найти легко - там один каменный дом, вы прямо в него и упрётесь. И действительно, я ещё издали его увидела. Было рано, и я села на ступеньки, стала ждать, когда можно войти. Напротив стояла старенькая церковь, ступеньки все заросли мхом. И вот вижу: идет монах, старый, весь согнулся, волосы белые, лицо жёлтое - как скелет. Подошел и стал молиться...

Потом открылась дверь, стали собираться служащие - все заключённые - сдавали номерки. Я долго сидела, наконец, вызвал меня начальник, такой толстый. Я уже еле держалась на ногах: всю ночь не спала и ещё ничего не ела. Опять начался допрос, как да что. Переговорили с Медвежьей Горой. Продержали меня сутки, ночевать поместили к сторожу - ну, какой там сон?

И на другой день к вечеру я уехала по ветке на Попов остров. Это конечный пункт. Тут мне сказали, что меня встретит муж. Меня с вещами привели в какую-то избушку, стали звонить: «Тут к Казаринову, который с Соловков, жёнка приехала, у нее барахла много, пусть встретит!» А потом говорят: «Он у тебя за проволокой, сидит в изоляторе, выходить ему нельзя». Дотащились до комендатуры. Было уже 11 часов вечера. Села я, обложилась вещами, сижу ни жива, ни мертвa. Комендант говорит мне: «Вы берегите вещи, как бы «курки» чего не утащили». Я подумала, это зверьки какие-то и еще больше испугалась. Потом узнала, что «курками» зовут уголовных.

Комната, где мы прожили 10 дней, представляла собой тюремную камеру с решёткой на окне, земляным полом и одной нарой. До нас в этой комнате жили цыганские жёны, тоже приехавшие на свидание с мужьями. Их выселили, а нас поселили на их место. Когда цыганки вышли, они наткнулись на меня, всячески ругая и грозя кулаками. Комендант взял мои вещи и провёл в комнату. Тут мы и встретились с Поней.

Поня долго целовал мне руки, лицо. Оба мы плакали, и первое, что он спросил - живы ли мы все?

Наша камера была загорожена тонкими досками со щелями в палец шириной. За стеной помещалась комендатура, так что каждое слово было слышно. Нас, конечно, нарочно тут поселили. Военные со мной были вежливы, ни одного грубого слова я не слышала. Но из заключённых были подлые люди и говорили мне грубости.

Поня имел право выхода только в пределах изолятора, а я, когда хотела, - по всему острову.

Но такая тоскливая, скучная картина этого острова, что и идти не хотелось, да и от мужа хоть на четверть часа не хотелось отлучаться. Поня ходил за обедом с котелком и приносил ужасную гадость, но он ел и говорил, что это ещё хорошие обеды, потому что я тут. Я сама стала ходить на остров, доставала картошки и варила тут же в большой комнате, где была плита. Мне выдали паек - трески, пшённой крупы. Но я-то много всего привезла, и Поне ещё после меня на месяцхватило. И уже из Москвы я послала ему большую посылку.

О чём мы только не переговорили! Поня дал мне наказ, что я должна говорить Верховному прокурору, если попаду к нему на прием (на что мы мало надеялись). Но в

то время Володенька, я была полна громадной энергией и решила, что добьюсь приёма.

И вот я учила наизусть, что говорил Поня, а потом записала всё на бумажку, которую положила за лифчик. Но когда меня обыскивали перед отъездом, то её взяли, ни слова мне не сказав. И хотя там были самые невинные вопросы, я мучилась всю дорогу - не будет ли за это чего муж?

2 октября в 6 часов утра, когда еще не рассвело, я завязала свои вещи, и один из заключённых пошел меня провожать, взвя мой узел.

Я много раз возвращалась и опять целовала Поню, а он стоял такой скучный и смотрел мне вслед. Провожатый был из подых, он всю дорогу страшал меня, что Поню оставят на Поповом острове, а Поня этого очень боялся.

И вот до вечера я просидела в грязной тесной комнатушке вокзала, ожидая поезда, на котором должна была ехать дальше в Кемь. И вдруг я увидела начальника лагерей. Я

бросилась к нему в слезах и стала просить отправить мужа обратно в Соловки, не оставлять его на Поповом острове и отдать ему книгу, которую начальник у меня отобрал. И он обещал, что книгу отдаст, и, как придет пароход - отправит мужа.

И действительно, как писал потом Поня, книгу ему вернули и вечером отправили в Соловки.

По приезде в Москву я оказалась совсем без денег, не на что выехать домой. И вдруг приезжает Карл Мефодьевич и даёт мне 100 рублей.

В Москве я сразу стала хлопотать свидания с Верховым прокурором Акуловым (Вышинский был тогда его заместителем). Ходила я целый месяц и, наконец, добилась приёма. Я ему все сказала, что просил передать Поня, и он попросил принести дело. И сказал, что всё возможное сделает для меня. Это было 22 ноября, а 1 декабря убили Кирова - и всему конец...

Примечания:

¹ Георгий Иванович Черемных, работавший до ареста в редакции «Энциклопедии» вместе с П. К. Казариновым.

² Варвара Пантелеимоновна Казаринова, дочь П. К. Сейчас на пенсии, заслуженный работник культуры, директор Новосибирского ТЮЗа.

³ Речь идет о муже Варвары Пантелеимоновны.

⁴ Домашние прозвища сыновей П. К.

⁵ Евфалия Константиновна, сестра П. К.

⁶ Очевидно, имеется в виду составление сводного каталога памятников архипелага.

⁷ Карл Мефодьевич Мишура, муж сестры П. К., экономист, трижды осужден, отбывал срок на ББК, в последний раз арестован в 1941г. из-за своей немецкой национальности. Из лагерей не вернулся. Сын Вилли убит под Сталинградом.

⁸ Анатолий Николаевич Турунов, племянник П. К., библиограф, краевед, искусствовед.

Соловецкий вестник.-1991.-№ 3.

О МОЕМ ДЕДУШКЕ

До последнего времени судьба моего деда Букина Георгия Ивановича для меня, его внука, была туманна и неясна. Из рассказов моей покойной ныне бабушки Евдокии Петровны мне было известно, что дедушка был репрессирован и безвестно сгинул. Более полувека семья деда носила клеймо «врагов народа», «лишнцев», «пораженных в правах» и т. п.

Наконец, в апреле 1993 года мне в руки попали документы, проливающие в какой то мере свет на судьбу дедушки. Пакет состоял из 3-х документов.

Первый - это письмо Комитета государственной безопасности по Краснодарскому краю. Оно сообщало, что Букин Георгий Иванович 1885 года рождения, уроженец ст. Григориополисской Новоалексеевского района до ареста жил в станице Бесскорбной Краснодарского края; священник ст.Бесскорбной; был арестован органами НКВД 9 ноября 1937г. Как теперь установлено, он необоснованно обвинялся в контрреволюционной деятельности, в том, что вёл пораженческую провокационную агитацию среди населения. По постановлению «тройки» НКВД по Краснодарскому краю от 27 ноября 1937г. Букин Георгий Иванович был осуждён к высшей мере наказания - расстрелу. Приговор приведён в исполнение 2 января 1938г. в г. Краснодаре. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета от 16.01.1989г. Букин Георгий Иванович реабилитирован посмертно.

Второй документ - справка прокурора Краснодарского края о реабилитации: «В связи с упомянутым Указом от 16.01.89г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40, 50гг.» постановление «тройки» УНКВД по Краснодарскому краю от 27 ноября 1937г. в отношении Букина Георгия Ивановича 1885 года рождения, уроженца станицы Григориополисской Орджоникидзевского края, русского, беспартийного, грамотного, до ареста работавшего

служителем религиозного культа в станице Бесскорбной Краснодарского края, отменено и делопроизводством прекращено за отсутствием состава преступления, т. е. гражданин Букин Г. И. считается реабилитированным [подпись прокурора].

Третий документ - свидетельство о расстреле Букина Георгия Ивановича 2 января 1938г. в г. Краснодаре.

И было моему деду в ту пору 52 года.

Я начал поиск и опрос оставшихся в живых, засел в библиотеки, начал вести интенсивный поиск материалов, относящихся к событиям тех лет.

... В 1923 году дедушка получил приход в станице Григориополисская и несколько лет служил в одной из церквей станицы. В 1928 году деда переводят в село Львовку Северского района, где он служит священником.

В 1930 году (дата требует уточнения, т. к. имеется еще одна - 1928г.) - первый арест деда в селе Львовка.

Была Пасхальная неделя, на второй день Пасхи заявился местный ЧК - «мадьяр», очень одиозная фигура - и без предъявления ордера уводит деда в ЧК. Попытки бабушки узнать что - либо не имели успеха, так как его переправляют в Армавирскую тюрьму.

Как позже выяснилось, в вину ему поставили сокрытие мелкой разменной монеты на сумму 101 руб., которая была найдена в церкви (деньги были приготовлены для сдачи в банк после праздника).

Бабушка разыскала деда в Армавирской тюрьме, их готовили к этапу на Соловки. От тюрьмы до посадки в товарный состав, который увозил заключённых на север, бабушка была рядом с ним вплоть до посадки в вагон. На целых четыре года увёз он его на север. Об этом периоде известно мне очень мало. Говорят, что освобождению деда из Соловецкой ссылки способствовала бумага, найденная в деле дедушки или запрошенная НКВД, о том, что он спас от гибели пятнадцать красноармейцев во время гражданской войны.

Освободившись из ссылки, он заехал в Москву, где ему предложили место священника в Елоховском соборе, но он отказался и уехал священником в ст. Бесскорбную Краснодарского края. О последующих событиях вплоть до расстрела я рассказал вначале.

Соловецкий период ссылки для меня являлся белым пятном, но кое-что стало проясняться.

Когда я работал в Российской Национальной библиотеке Санкт-Петербурга, свела судьба меня с замечательными людьми: сотрудниками библиотеки, членами благотворительного историко-просветительского правозащитного общества «Мемориал» - с его отзывчивыми людьми, которых заинтересовала судьба моего деда. Я познакомился с такими замечательными людьми, как Татьяна Моргачева, Ирина Резникова, Михаил Вервальд, Сергей Кривенко.

В Москве 28 ноября во время встречи с узниками Соловков я узнал много для себя нового и полезного и, главное, - увидел неравнодушных людей. У меня сложилось впечатление, что мы знаем друг друга очень давно. Встреча проходила в какой-то тёплой семейной атмосфере, где каждый был в своей семье. Я узнал, что вот уже пять лет они ведут поиск узников Соловков, прошлым летом они побывали на Соловках, поклонились своим отцам, сёстрам, братьям, мужьям, дедам, оставшимся навеки в той земле. Я очень сожалел, что не был с ними в июне 1993-го во время поездки на Соловки. У меня состоялось много знакомств, и, я думаю, что это поможет мне прояснить многое в жизни моего деда.

Если кому-то известно что-либо о судьбе моего деда Букина Георгия Ивановича, то прошу сообщить мне в Москву: 109559, Тихорецкий бульвар, дом. 6, кв. 89, егонуку Букину Дмитрию Владимировичу.

Соловецкий вестник.-1994.-№5.

НАСТОЯЩАЯ СЕМЬЯ БЫЛА У НАС ТОЛЬКО ДВА С ПОЛОВИНОЙ ГОДА...

Гавриил Осипович Гордон был историком, преподавателем, членом Коллегии Наркомпроса РСФСР, где работал вместе с Н. К. Крупской. По подозрению в шпионаже он был осуждён и отправлен на Соловки. После Соловков - ссылка в Свердловск. Затем освобождение, но ненадолго. В мае 1942 года Гавриил Осипович умер в Угличском лагере.

Этот талантливый и яркий человек, находясь в лагерях, написал три сочинения: «Повесть о моей жизни» (с подзаголовком «Окончено 16/VII 1939г. в пилорамной будке насосной станции № 1 Гидромеханизации Угличского гидроузла»), «Милой моей Ликунечке. Маленькое введение в большую философию» и «Клио. Краткое введение в изучение истории для милой моей дочери Ирины». Последние две тетрадки предназначались дочерям Гавриила Осиповича. В «Предуведомлении» к «Истории моей жизни» Гавриил Осипович писал:

«...Мне пришлоось перенести в жизни много такого, что, пожалуй, я не меньше голландского писателя Деккера мог бы претендовать на псевдоним «Мульта-тули» (мульта тули - по латыни «много перенёс»), но это еще не давало бы мне право обременять вас чтением последующих страниц - ну, перенёс и перенёс, а дальше что? Однако, мне пришлось за 54 года моей жизни, которая в настоящий момент преврана наболго, видеть так много, участвовать, хотя бы косвенно, в таких крупных событиях, что я считаю небесполезным записать то, что сохранила для меня память. Я не претендую ни на слишком большой интерес к тому, что напишу, ни на значительность сюжета, ни на художественность изложения (о, если бы я мог писать так, как написано «Путешествие в Веймар» Мариэтты Шагинян или «Пропавшая грамота» Пастернака!), но просто хочу, ничего сознательно не скажая и не выдумывая, рассказать вам о том, почему «свидетелем Господь меня поставил»...

И действительно, Гавриил Осипович Гордон старался больше писать не о себе, а о тех людях, которых он знал, с которыми работал, у кого учился, кого видел на сцене. Это историки (в частности, знаменитый Ключевский, читавший курс в университете, где учился Гордон), философы, артисты (пианист Танеев, певица Нежданова, танцовщица Айседора Дункан). Его впечатления очень ярки, нестандартны, наблюдения точны и метки. Его «Повесть» не закончена, но и то, что он успел написать, представляет большой интерес - это живой документ эпохи.

Здесь нет возможности напечатать полностью «Повесть», мы ограничимся лишь письмом его дочери Ирины Гаврииловны и воспоминаниями сына - Гордона Георгия Гаврииловича о поездке на Соловки на свидание с отцом.

ИЗ ПИСЬМА ИРИНЫ ГОРДОН

« Я очень тронута тем, что Вы хотите писать о папе. Может быть, Вам будет интересна открытка, которая у меня сохранилась. Текст привожу. Некоторые пояснения. Мне - 16 лет, учусь в 9 классе. «Ликуния» - моя старшая сестра, любимица папы. В июле 1940г. она умерла в возрасте 19 лет, перейдя на 2 курс межматма МГУ. Была очень талантлива - в 14 лет была чемпионкой Москвы по шахматам среди школьниц. Мама не знала, как сообщить об этом отцу и решила скрыть от него до освобождения. Я написала ему, что Лика вступила в комсомол и дала слово с реформированным отцом отношений не поддерживать (а мы все знали, что она никогда бы от него не отказалась... хотя, если не ошибаюсь, в отличие от меня, комсомолкой - и очень активной - она была). В результате я стала реже ему писать, потому что трудно было вратить - из этой открытки Вы поймёте. Не знаю, подозревал ли он, что любимая дочь его не предавала, но, в любом случае, он на неё не сердился.

Конечно, на общем фоне разве такая уж это трагедия? А вот пишу Вам и реву.

«15/ГУ-41. Родная Ирусенька! Сегодня получил твою открытку от 27 апреля (!). Что делает здесь почта - уму невообразимо! А я 8-го мая, не получив привета ни от тебя, ни от мамы, ни от Юры был очень опечален тем, что вы меня забыли. Оказывается, что виноваты почтовые порядки. (Кажется, 8 мая - день его рождения и, значит, в лагере нарочно задержали наши поздравления - И. Г.). Рад, что ты в своё время получила моё письмо с ответом на твои вопросы. Я забыл тогда ответить на твой вопрос о прототипе Мефистофеля, т.е. о друге Гёте Мерке. Потом сделал об этом приниску в открытке, посланной мамусе. Получила ли ты её? У меня нового ничего нет. Стало более или менее тепло, но дёгевья ещё спят. Остаётся мне ещё 88 дней, т.е. 2112 часов, т.е. 126720 минут, т.е. 7803200 секунд. Думаю о том, что у тебя наступает экзаменационная страда, и беспокоюсь за тебя - это всегда сопряжено бывает с волнением и напряжением. А как обстоят дела у Ликуни? Может быть, ты мне напишешь о ней? Будь добра, мишуша. Крепко целую и обнимаю тебя, дружок. Поцелуй от меня мамусю и Алёшу. Г.».

Алёша - сын моего брата, ему тогда было полтора года.

Тонечка, а ведь задним числом очень горько сейчас. До войны оставалось 33 дня. Конечно, я знаю, что задержись война и освободись он, всё равно его бы опять арестовали. Но всё-таки... всё-таки...

И ещё: мне кажется, открытка эта показывает, какой он был человек. И сколько (это ужличное!) я потеряла, потому что настоящая семья у нас, когда я пришла в сознательный возраст, была только 2 с половиной года. А до и после - одно только ожидание».

Георгий Гордон

ПОЕЗДКА НА СОЛОВКИ

1931 год

Г.О. Гордон с женой и дочерьми

Сорок пять лет тому назад мне было двадцать, маме - сорок восемь, папе - сорок шесть лет. Я работал лаборантом в общезаводской лаборатории завода «Геофизика», мама была сторожем в артели «Металлист», а папа уже около года находился на Соловках, где отбывал второй год (первый - в предварительном заключении) из тех десяти лет, которые ему дала Коллегия ОГПУ по статье, карающей за шпионаж. Конкретно ему инкриминировалось то, что он «осведомляя Шеффера о настроениях в кругах троцкистской и других оппозиций». С Паульсом Шеффером, собственным корреспондентом газеты «Берлинэр Тагеблатт» в Москве, папа познакомился еще в 1906 году на занятиях в Марбургском университете и возобновил знакомство, когда тот появился в Москве в середине 20-х гг. Фактически было наоборот: Шеффер, имевший куда более непосредственные источники информации, иногда кое-что рассказывал папе. Помню, какое удовольствие доставило мне пришедшее от него и приписываемое К. Радеку изречение по поводу существовавшего тогда в Москве университета трудящихся Востока им. Сун Ят-сена: «Вот заведение, где евреи на английском языке учат китайцев делать революцию по-русски!». Но я отклонился от темы...

Наступало лето, в июле я должен был идти в отпуск, мама свой могла взять в любое время. Конечно, мы мечтали поехать на свидание с папой, и мама навела необходимые справки. Оказалось, что сначала заявление с просьбой о свидании надо было подать в Москве, где в соответствующем здании на Малой Аубянке имелось соответствующее окно. Подали и точно в

установленный срок, примерно через месяц получили благоприятный ответ. Это было разрешение, так сказать, в принципе, вернее - не разрешение, а «невозражение».

Окончательное решение зависело от местной власти, к которой по почте адресоваться было нельзя, а надо было подавать заявление на месте же, в нашем случае - в г. Кеми, что, о чём нас официально предупредили в том же окне, отнюдь не гарантировало положительного решения. Впрочем, тот же сидевший в окошке сотрудник уже неофициальным тоном сказал: «Дадут, дадут!» Полученная в Москве бумага одновременно служила пропуском, без которого в Кемь и попасть было нельзя, т.к. со станции Медвежья Гора начиналась территория лагерей особого назначения. От Медвежьей Горы до Кеми по железной дороге 280 км...

Не помню, куда мы пристроили Иру и Лику, которым тогда было семь и одиннадцать лет, но в первых числах июля мы с мамой уже ехали в Ленинград, где должны были пересесть на Мурманский поезд.

Уже в Ленинграде чувствовались «белые ночи», а по мере продвижения на Север мы быстро въезжали в полярный день, и в Кеми, лежащей почти точно на 65-й параллели, всего в двух с половиной градусах от Полярного круга, ночи уже практически не было. Стояла пасмурная погода, и круглые сутки длился унылый серенький день. Обнаружилось, что занавешивание оконца в том подобии чулана, которое мы арендовали у старухи-хозяйки, не создаёт иллюзии ночи, отчего и мама, и я потеряли нормальный сон; этому, конечно, способствовало и наше нервное состояние. На коренных немцах полярный день не сказывался, но у тех из них, кто не зависел от регламентированных часов работы, все менялось: один ложится спать, а другой в это время гнал корову в лес. Как-то раз я там до двух часов ночи играл в теннис с Борисом Новиковым, многократным чемпионом Москвы и СССР, победителем 1-й Спартакиады СССР 1928 года в одиночном разряде, которого я хорошо знал. Долго рассказывать, как он, попавшись на глупую провокацию, получил срок и оказался рабочим на стадионе «Динамо» в Кеми...

Сразу по приезде мы подали просьбу о свидании, приложив к ней, конечно, московскую бумагу. Оказалось, что эти документы надо было сдавать прямо в билетную кассу Кемского порта, помещавшуюся в будке размером с киоск для продажи мороженого, откуда их с первым пароходом переправляли на Соловки; ответ приходил в ту же

будку, но, в отличие от Москвы, в неопределённый срок. Конечно, несмотря на брань дежурных «кассиров» (они носили форму, т.к. эта будка, как и всё в Кеми, принадлежала УСЛОНу, т.е. Управлению СЛОНа), мы ходили справляться об ответе не только после каждого прихода парохода, но и ещё раза три в день: вдруг пришёл катер, которого можно было и не заметить из «города» (Кемь представляла собой большую деревню с десятком кирпичных домов и несколькими лесопилками). В порту меня удивила почва, которая явно пружинила под ногами. Оказалось, что вся территория порта - многометровый слой опилок, десятилетиями выбрасываемых в море.

Ответ пришел на шестой день, к этому времени у будки токлось уже с дюжину таких же, как и мы, чаящих свидания. Нам дали «три дня общего свидания» - что это значит, объясню ниже. Можно было уезжать на остров, но пароход туда ожидался только через сутки. Однако, я заметил болтающийся у пирса крохотный катерок «Пионер» (как выяснилось потом - водоизмещением в 10 тонн). Мама тотчас пошла к нему. Старший из трёх членов его экипажа оказался на месте, подтвердил, что через час катер пойдет на остров и согласился взять нас, если нам продадут билеты. Не помню, легко или с трудом, но билеты мы получили, сходили за вещами и вскоре уже были в море.

От Кеми до Соловков - километров сорок, но наш переход занял около пяти часов. В море я понял, почему, кроме нас, других желающих проехаться на «Пионере» не оказалось: хотя волнение не превышало, как мы узнали еще на берегу, четырех баллов, но качало наш линкор весьма ощутимо. Ни я, ни мама качки не боялись, но хуже оказалось другое: в крохотном кубрике, рассчитанном на трёх человек (спускаться в него приходилось по вертикальному трапу) было тепло, но страшно пахло соляркой, на которой работал дизель катера, и потому через несколько минут пребывания там начиналась головная боль, а больше 15-20 минут я вообще выдержать не мог. На палубе же дул сильный ветер, несший и водяную пыль, и брызги - мы быстро намокали и начинали коченеть, что загоняло нас в кубрик. Так что всю дорогу мы шарахались то вверх, то вниз.

Приближение к Соловкам было очень эффектно. Говорили, что так бывает часто, что это особенность местного микроклимата, когда вдруг сквозь серую пелену неба начало просвечивать солнце, ветер утих, и - сразу потеплело. Почти одновременно из-за горизонта поднялся монастырь, а небо совсем очистилось и стало пронзительно-голубым, под таким небом грязно-зелёное море превратилось в чистейшую лазурь, и я понял чувства, которые при этом испытывали паломники, понял, почему несколько веков Соловки считали святым местом.

Остров Соловки - главный в архипелаге - вообще не высок, а вблизи причала, куда пристал «Пионер», поднимался над морем на высоту, примерно, двухэтажного дома (для сравнения служило здание бывшей монастырской гостиницы, стоявшее почти у самого причала). «Пионера» встретил дежурный, посмотрел нашу бумагу и через несколько минут, в сопровождении человека фуражке с надписью «охрана», мы шли уже в «Дом свиданий».

Чтобы не возвращаться к этому, объясню, что персонал лагеря состоял из лиц трёх категорий: ничем не запятнанные, служившие там, как они могли бы служить в любом другом месте - они носили фуражки с красным околышем, синим верхом и обычной красной звездой на них; следующая категория носила такие же фуражки, но без звезды - это означало, что перед вами штрафник, посланный сюда в наказание за какую-то

прописанность; наконец, самая многочисленная категория носила однотонные серо-зелёные фуражки с упомянутой надписью, литографированной на дугообразной металлической пластинке миллиметров в сорок длиной и пятнадцать шириной, закреплённой на месте кокарды. Это были заключённые из уголовных, точнее, из «социально-близких», как они официально назывались (в отличие от осужденных по 58 ст. (контрреволюция) «социально-чуждых»), добровольно служившие в охране и глубоко презираемые остальными заключёнными.

Уже на пристани, и по дороге к «Дому свиданий», до которого было минут десять ходьбы, бросались в глаза многочисленные чайки величиной, если не считать короткой шеи, с доброго гуся. Они сидели на деревьях, на крышах и просто на земле и время от времени дружно кричали удивительно противными голосами... На одной из башен монастыря еще показывали следы от якобы попавших в неё английских ядер, не принесших ей никакого вреда, как и ядра войск Петра I, также некогда осаждавших монастырь. Правда, когда уже в лагерные времена в этой башне устроили склад приходивших на остров почтовых посылок, то «урки» в первую же ночь взяли неприступную крепость штурмом, и от посылок не осталось и следа...

«Дом свиданий» представлял собой одноэтажный деревянный барак, по всей длине разделённый на две неравные части. В большей - было с десяток комнат метра три длиной и неполных два метра шириной; между двумя топчанами с хорошими матрацами, суконными одеялами и чистым бельём могла как раз поместиться тумбочка. В одном из углов со стороны двери висел цинковый рукомойник, под ним - деревянная бадейка. Окно открывалось внутрь, снаружи оно было забрано металлической сеткой с крупными ячейками. Меньшую часть барака занимала комната свиданий, о ней речь впереди.

Снаружи барак был обнесён глухим забором метра в три высотой с колючей проволокой наверху. От стен барака до забора было метров шесть - восемь, это пространство было занято чем-то вроде скверика с дорожкой, низкими подстриженными кустиками и несколькими скамейками. Во все дни, которые мы провели на острове, стояла отличная солнечная погода, температура колебалась в пределах от 20 до 22°, и те три дня, что мы прожили в «Доме свиданий» (это название до сих пор кажется мне несколько своеобразным!), мы провели, главным образом, в этом скверике. В заборе были ворота, всегда запертые громадным висячим замком и калитка, запертая тоже висячим замком, но поменьше. Охраны около неё не было.

Надо сказать, что приезжающие на свидание как бы менялись ролями со своими родными: те были вроде бы на воле, а мы - в заключении. Правда, два раза в день нас, построив парами (в это время в «Доме свиданий» было человек двадцать), водили с сопровождающими обедать и ужинать в так называемый «Клуб вольных», занимавший помещение другой бывшей монастырской гостиницы - для более привилегированных паломников. Столовая там была превосходная, главным поваром был бывший шеф-повар ресторана при «Большой Московской гостинице», да и остальные повара были в том же роде. Все было очень вкусно, а порции были столь обильными, что двух обедов и двух ужинов нам с лихвой хватало на троих, включая папу, на весь день, а потом, когда наши ресурсы стали истощаться, хватало и двух обедов с одним ужином. Стоили они, правда, по тем временам, дорого: по рублю (в Москве в заводской столовой тогда обед из трех блюд при

неограниченном количестве белого и черного хлеба стоил 32 копейки; получал я 125 руб. в месяц, мама - 45 руб.).

Забор - забором, а незадолго до нашего приезда произошёл такой случай: двое заключённых, донские казаки, умыкнули из «Дома свиданий» своих ён и ухитрились не только провести их на строго охраняемую территорию монастыря, но и укрыться вместе с ними на монастырских чердаках, представлявших собой настоящий лабиринт. Более двух недель их не могли обнаружить, хотя один раз и видели, как они вылезали на крышу погреться на солнышке. Наконец поймали и отправили ён - на материк, а мужей - в карцер. Такое возможно было, конечно, только потому, что собаки тогда в штате охраны не состояли.

Продолжу описание «Дома свиданий». Двери комнат выходили в узенький, чуть больше метра, коридорчик, с одной стороны глухой, а другой выходивший в сенцы, где стоял кипевший круглые сутки «гигант» и бочка с холодной водой, из которой постояльцы черпаком наполняли свои рукомойники. Здесь же были двери в мужскую и женскую уборные - самой примитивно-дачной конструкции, но содержавшиеся в большой чистоте (этим, как и топкой «гиганта», ведали уборщики - из заключённых, конечно). Совершенно не помню, отапливался ли этот барак, или был он только летним.

Посреди коридора была широкая двусторчатая дверь, ведущая во вторую половину барака, где происходили свидания. Эта дверь была всё время на запоре и открывали её только на тот час, в течение которого происходили свидания. Перед этим все «вольные» должны были войти вовнутрь барака и дверь из коридора в сенцы запирали. Сам «зал свиданий» представлял собой длинную узкую комнату, примерно 4x12 м., по всей длине разделённую на две части чем-то вроде прилавка шириной больше метра и высотой несколько больше, чем у обычных столов, глухим от верха до пола; от «прилавка» до стен оставалось, таким образом, пространство чуть шире метра. Со стороны, куда впускали заключенных, в стене было несколько широких окон, и в комнате было светло. Никакой сетки от «прилавка» до потолка, подобной той, что отделяла нас от папы в Бутырской тюрьме, где нам дали свидание перед его отправкой (десятиминутное юридически, но ставшее фактически двадцатиминутным) - здесь не оказалось. В Москве эта сетка с ячейками, примерно, в один квадратный сантиметр, затягивавшая нечто вроде оконного проема, через который происходило свидание, не только мешала смотреть, но и производила весьма неприятный психологический эффект.

Длина «прилавка» хорошо согласовывалась с возможным числом обитателей барака, и они располагались вдоль него в один ряд и без особой тесноты. Когда это размещение заканчивалось, открывалась дверь в отсек заключенных, находившаяся в его торцовой стене с противоположной нашим сенцам стороны. В окна было видно, как отпиралась упоминавшаяся калитка в воротах и через нее по одному впускали «посетителей», быстро проходивших вдоль прилавка и останавливавшихся против приехавших к ним. Все это происходило очень споро и без суматохи. В коридоре в рамке под стеклом висели художественно оформленные явно профессиональной рукой «Правила общих свиданий», и все успевали хорошо их усвоить. Эти правила запрещали здороваться за руку через **барьер** (тут я неожиданно вспомнил, как официально назывался «прилавок» - не очень точно, т. к. барьер обычно не имеет заметной ширины). На каждом

свидании происходили попытки это правило нарушить, что вызывало окрики двух надзиравших за свиданием охранников (один от двери в отсеке заключенных, а другой - от противоположной стены на нашей стороне), с угрозой прекратить свидание. Не обходилось тут без слёз и истерических выкриков, но вскоре устанавливался мерный гул от двух десятков одновременно происходивших разговоров, выделить в котором свой собственный разговор было не так легко.

В конце свидания происходила передача. По команде «кладите передачу» следовало положить на прилавок-барьер привезённые вещи и продукты в номенклатуре и количествах, регламентированных упомянутыми «Правилами» (до этого класть их на прилавок запрещалось). Охранник с вольной стороны быстро и формально их осматривал и, вместе с положенным для передачи мешочком, передвигал на сторону заключённого, который укладывал в него передачу, продолжая разговор. Не разрешалось передавать лекарства и деньги, поэтому привезённый мною журнал с водевилем Катаева охранник сложил первой и четвёртой сторонами обложки друг к другу и, взявшись за их уголки, потряс. В то же самое время мешочки с сыпучими продуктами (бумажные пакеты не допускались) он опровергал так, что не обнаружил бы и нож, если бы он был туда вложен.

К слову скажу, что деньги почтовыми переводами можно было посыпать в любых количествах, но заключённому их не выдавали, а открывали ему счёт в «продмаге», который несмотря на своё название торговал и галантереей и даже бельём. Два раза в месяц по числам, установленным для первой буквы его фамилии, заключённый мог по специальному требованию (такой бланк я привёз в качестве сувенира и долго хранил, но потом он затерялся) получить товары в пределах месячного лимита стоимости 70-ти пачек «Беломора», как выразился папа - т. е., около 15-ти рублей. Эти требования передавались в продмаг через непосредственное начальство заключённого и «лишение продмага» служило первой мерой административного воздействия.

Можно было посылать и посылки, но только вещевые, что проверялось на почте, куда посылки с соловецким адресом надо было приносить в незапакованном виде. Допускались и книжные бандероли, но, в отличие от посылок, они не всегда доходили до адресата; газеты посыпать было нельзя.

...Окончание передачи означало и окончание свидания. Первыми охранники выгоняли приезжих, что, видимо, было легче, чем выгнать заключенных. Фактически свидание продолжалось часа полтора. Вскоре отпирались и наши сени. Таких общих свиданий у нас с папой было два. Уже на первом он сказал: «Завтра из Москвы возвращается Никитин, я буду просить его о личном свидании и, думаю, что он мне не откажет». Никитин был тогда начальником УСЛОНа, с резиденцией на Соловках. В последующем он был начальником на строительстве канала Москва - Волга, не помню уж, не то всего строительства, не то участка канала, прилегающего к Москве. По окончании строительства стал начальником Главного управления геодезии и картографии, входившего тогда в состав МВД, в системе которого я проработал почти всю жизнь (точнее - 33 года). Так, по иронии судьбы, Никитин некоторое время был и моим верховным начальством... <...>

Соловецкий вестник.-1994.-№ 10-11

*Ирина Резникова
г. Санкт-Петербург*

ПАСХА В СОЛОВЕЦКОМ ЛАГЕРЕ

ПАСХА 1926 ГОДА

(Печатается в сокращении)

Казачков В. А.²⁶

интервью 1990 года

Пасху 1926 года я очень хорошо помню, незадолго перед этим новый начальник Управления потребовал, чтобы все, кто хочет ходить в церковь, подали ему заявления. Почти никто из заключённых не подавал заявлений - боялись последствий. Но вот перед Пасхой огромное количество людей подали заявления. Мы все собрались к заутренни: о. Владимир Лозина-Лозинский²⁷, о. Иоанн Стеблин-Каменский²⁸, о. Михаил Яворский²⁹, Антоний Тьевар³⁰, Авенир Вадбольский³¹ и я.

По дороге к кладбищенской Онуфриевской церкви двигалась огромная процессия, люди шли в несколько рядов. В церкви все, конечно, не поместились. Стояли вокруг, а тем, кто пришёл позднее, не было слышно пения. Но мы пришли одними из первых. Рядом со мной стоял мой очень близкий друг - о. Владимир Лозина-Лозинский, он был замечательным человеком, всегда очень спокойным, дружелюбным, весёлым, высокоорганизованным.

Службу Пасхальную вели епископы, и среди них старший - архиепископ Евгений Зернов³², еще помню епископа Мануила Лемешевского³³, он как-то объединял всех петербургских священников, они вместе держались, епископа Белевского Игнатия³⁴ - совсем уже пожилой был.

Когда на Страстной неделе была служба 12 Евангелий, служили ее двенадцать епископов.

После службы все пошли в нашу канцелярскую роту разговаривать. Авенир Вадбольский добыл всяческой необыкновенной на Соловках снеди, и все праздновали.

Соловецкой моей первой Пасхи не забыть, грандиозное это было событие в жизни.

Примечания:

²⁶. Казачков Владимир Алексеевич, 1902 г.р., окончил Московский Кадетский корпус, бухгалтер, арестован 20 февраля 1925 года по «делу кадетского корпуса» (за празднование годовщины окончания корпуса), приговорён к 5 годам заключения. На Соловках находился с осени 1925г. до ноября 1928г., затем выслан в Сибирь. Участник 2 Мировой войны. В настоящее время живет в Москве. Устное сообщение 1990, 1991гг., архив ПО «Мемориал».

²⁷. О. Владимир, Лозина-Лозинский Владимир Константинович (1885-1938?), поэт, окончил юридический факультет Петербургского университета, служил в Сенате, окончил Богословский институт при Александро-Невской Лавре; в 1919г. рукоположен, 1919-22гг. служил в университетской церкви Всех Святых. Осенью 1922г. ненадолго арестован, освобожден по болезни - психический стресс; 1923-24гг. болен. 15 февраля 1925г. арестован по делу лицеистов - в день основания Царскосельского лицея о. Владимир отслужил панихиду по убиенному царю (по делу лицеистов было арестовано более ста человек). 22 июня 1925г. осуждён Коллегией ОГПУ на 10 лет лагеря, затем срок сокращён; на Соловках с 1925г. по 1928г.; в ноябре 1928г. выслан на 3 года в Сибирь; в 1934г. в Новгороде вновь арестован; в 1938г. умер в заключении.

²⁸. О. Иоанн, священник их Петрограда, (Стеблин-Каменский Иван Егорович) (1887-1930), бывший морской офицер, преподаватель Морского Корпуса, стал целебным священником. Арестован 26 сентября 1921г., был в заключении на Соловках, работал бухгалтером. 1 октября 1927г. освободился, жил в Воронеже. 9 января 1928г. подписал протестное обращение епископа Алексия Воронежского от Воронежской епархии. Арестован в Воронеже 6 мая 1929г. Расстрелян в 1930г.

²⁹. О. Михаил, священник из Петрограда (Яворский Михаил Семенович) (1888-?), арестован 26 июля 1924г., осуждён на 3 года, был в заключении на Соловках - работал делопроизводителем; 26 июля 1927г. освободился, жил в Любани. Вторично осуждён на 10 лет лагерей. Погиб в заключении.

³⁰. Тьевар Антоний Максимович (ок.1889-1931), окончил Московскую Духовную Академию, был учеником и другом профессора Духовной Академии Попова Ивана Васильевича, арестован и сослан на Соловки вместе со своим учителем. На Соловках работал бухгалтером, а затем помощником начальника Соловецкой железной дороги. В январе 1928г. освободился и вернулся в Москву. Весной 1928г. в Арзамасе принял постриг с именем Серафим, потом был возведён в сан иеродиакона и иеромонаха. Жил в Москве, совершал литургию в келейно. В 1930г. арестован и сослан в Вишерский лагерь, где скончался 23 ноября 1931г..

³¹. Вадбольский Авенир Авенирович (1898-1930), окончил Пажеский корпус, офицер лейб-гвардии Егерского полка, поэт, писатель. 1925-28 в заключении на Соловках, работал сторожем. Затем в ссылке в Тобольской области, где 23 июля 1930г. арестован; 18 ноября 1930г. расстрелян в Москве, похоронен на Ваганьковском кладбище.

³². Евгений, архиепископ Благовещенский и Приамурский (Зернов). Арестован в августе 1923г.; 1924-26гг. - в заключении на Соловках, выбран старшим соловецким архиереем. После освобождения с Соловков отправлен в ссылку в Зырянский край на 3 года. В 1929г. освобожден из ссылки, жил в Вятской губернии, затем управлял Пермской епархией. В 1936г. Владыка Евгений назначен Митрополитом Нижегородским. Арестован в 1937г. в Нижнем Новгороде, дальнейшая судьба неизвестна.

³³. Мануил, епископ Лужский, викарий Петроградский, в миру Лемешевский Виктор Викторович (1884-?), 26 сентября 1924г. арестован, 23 октября осужден на 3 года, находился в заключении на Соловках. После освобождения служил в Петрограде. Позднее назначен митрополитом.

³⁴. Игнатий, епископ Белевский, викарий Тульский, в миру Садковский Игнат Сергеевич (1887-1937). В 1926г. в заключении на Соловках вместе с братом - священником Садковским Георгием Сергеевичем (1896-1968). После освобождения с Соловков братья Садковские служили в городе Белово, где были вторично арестованы 26 декабря 1929г.; осуждены 3 декабря 1930г. сроком на 3 года, находились на Соловках, освобождены 9 сентября 1932г. вернулись в Белев. Епископ Игнатий расстрелян в 1937г., дальнейшая судьба о. Георгия неизвестна.

ПАСХА 1927 ГОДА

Б. Ширяев⁴⁴ «Неугасимая лампада», Нью-Йорк, 1954 г.-С. 388-392.

Еще бы я не помнил ее, эту единственную разрешенную на Соловках заутреню в ветхой кладбищенской церкви. Помню и то, чего не знает мой случайный собеседник.

Я работал тогда уже не на платах, а в театре, издательстве и музее. По этой последней работе и попал в самый клубок подготовки. Владыка Иларион добился от Эйхманса разрешения на службу для всех заключенных, а не только для церковников. Уговорил начальника лагеря дать на эту ночь древние хоругви, кресты и чаши из музея, но об облачениях забыл. Идти и просить второй раз было уже невозможно.

Но мы не пали духом. В музей был срочно вызван знаменитый взломщик, наш друг, Володя Бедрут. Неистощимый в своих словесных фельетонах Глубоковский отвлекал ими директора музея Ваську Иванова в дальней комнате, а в это

время Бедрут оперировал с отмычками, добывая из сундуков и витрин древние драгоценные облачения, среди них - епитрахиль митрополита Филиппа Колычева. Утром всё было тем же порядком возвращено на место.

Эта заутреня неповторима. Десятки епископов возглавляли крестный ход. Невиданными цветами Святой ночи горели древние светильники, и в их сиянии блистали стяги с Ликом Спасителя и Пречистой Его Матери.

Благовеста не было: последний колокол, уцелевший от разорения монастыря в 1921г., был снят в 1923г. Но задолго до полуночи, вдали сложенной из непомерных валунов кремлёвской стены, мимо суровых заснеженных башен, потянулись к ветхой кладбищенской церкви нескончаемые вереницы серых теней. Попасть в самую церковь удалось немногим. Она не смогла вместить даже духовенство. Ведь его тогда томилось в заключении свыше 500 человек. Все кладбище было покрыто людьми, и часть молящихся стояла уже в сосновах, почти вплотную к подступившему бору.

Тишина. Истомлённые души жаждут блаженного покоя молитвы. Уши напряжённо ловят доносящиеся из открытых врат церкви звуки церковных песнопений, а по тёмному небу, радужно переливаясь всеми цветами, бродят столбы сполохов - северного сияния. Вот сомкнулись они в сплошную завесу, засветились огнестойкой лазурью и всплыли к зениту, ниспадая оттуда, как дивные ризы.

Грозным велением облеченного неземной силой Иерарха, могучего, повелевающего стихиями теурга-иерофанта прогремело заклятие-возглас владыки Илариона:

- Да воскреснет Бог и да расточатся врази Его!

С ветвей близких сосен упали хлопья снега, а на вершине звонницы вспыхнул ярким сиянием водружённый там нами в этот день символ Страдания и Воскресения - Святой Животворящий Крест.

Из широко распахнутых врат ветхой церкви, сверкая многоцветными огнями, выступил небывалый крестный ход. Семнадцать епископов в облачениях, окружённых светильниками и факелами, более, двухсот иереев и столько же монахов, а далее нескончаемые волны тех, чьи сердца и помыслы неслись к Христу Спасителю в эту дивную незабываемую ночь.

Торжественно выплыли из дверей храма блистающие хоругви, сотворенные еще мастерами Великого Новгорода, загорелись пышным многоцветием факелы-светильники - подарок Веницейского Дожа далёкому монастырю - хозяину Гиперборейских морей, зацвели освобождённые из плена священные ризы и пелены, вышитые тонкими пальцами Московских Великих князей.

- Христос Воскресе!

Немногие услыхали прозвучавшие в церкви слова Благой вести, но все почувствовали их сердцами, и гулкой волной пронеслось по снежному безмолвию:

- Воистину Воскресе!

- Воистину Воскресе! - прозвучало под торжественным огнестым куполом увенчанного сполохом неба.

- Воистину Воскресе! - отдалось в снежной тиши векового бора, перенеслось за нерушимые кремлевские стены, к тем, кто не смог выйти из них в эту Святую ночь, к тем, кто обессиленный страданием и болезнью, простёрт на больничной койке, кто томится в мрачном подземелье «Аввакумовой щели» - историческом соловецком карцере.

Крестным знамением осенили себя обреченные смерти в глухой тьме изолятора. Распухшие, побелевшие губы цынготных, кровоточа, прошептали слова обетованной Вечной Жизни...

Примечание:

⁴⁴ Ширяев Борис Николаевич (1889-1959), педагог, писатель. В 1918г. приговорен к расстрелу за попытку перехода границы, бежал за несколько часов до расстрела. В 1922г. в Москве приговорен к расстрелу, смертная казнь заменена 10 годами заключения, позднее срок был сокращен. На Соловках был на общих работах - вязке плотов, затем работал в театре, Соловецком музее, печатался в журнале «Соловецкие острова». Осенью 1927г. отправлен в ссылку в Среднюю Азию, затем на Северный Кавказ. В 1944г. - в лагере в Германии; с 1945г. в Италии, в лагере перемещённых лиц в Капуе. Написал книгу о Соловках «Неутасимая лампада» (1954г., изд. им. Чехова, Нью-Йорк).

Соловецкий вестник.-1993.-№7.
«Социалистический вестник».- 1923г. - 1 октября

ВНУКИ РЕПРЕССИРОВАННОГО АРХАНГЕЛЬСКОГО КУПЦА СНИМАЮТ ФИЛЬМ О СУДЬБЕ СВОЕГО ДЕДА НА СОЛОВКАХ

Александр Плюснин

Боль ГУЛАГа продолжает звучать в сердцах и судьбах людей не только в разных уголках России, но и практически по всему миру. Иначе как можно объяснить приезд на Соловки 8 внуков архангельского купца Александра Плюснина, сосланного в 1923 году в Соловецкие лагеря особого назначения.

Немолодые уже люди съехались из Бельгии, Голландии, Норвегии и США с целью узнать о судьбе своего деда и посетить принадлежавший ему дом в Архангельске. Это путешествие потомков Соловецкого заключенногоне только дань памяти семьи Плюсниных хочет рассказать свою историю другим. Вместе с норвежской фирмой «Коре Таннвик АС», норвежской кинокомпанией «Самоедна фильм» и Соловецким музеем-заповедником снимают документальный фильм о судьбе Александра Плюснина и о своих поисках сведений о нем.

Центральной идеей фильма является путешествие потомков Плюснина по Беломоро-Балтийскому каналу, унесшему жизни сотен тысяч людей. С 9 по 13 июля семья путешествовала по каналу из карельского городка Сосновец до города Кеми, бывшего пересыльного пункта, откуда партии заключенных отправлялись на Соловки.

Фильм рассказывает об истории строительства канала и трагической судьбе заключенного архангельского купца лесоторговца Александра Плюснина, который в 1918 году отправил свою жену и 11 детей в Норвегию, в город Тромсё, а сам остался в России, был арестован и сгинул на Соловках. Фильм планируется завершить к началу следующего года и распространять в Скандинавии и России.

Соловецкий музей-заповедник, имеющий обширные профессиональными связями с правозащитными обществами, архивами, в том числе и силовыми ведомствами, библиотеками намерен содействовать поиску сведений об Александре Плюснине и оказывать консультационную помощь в работе над фильмом.

На Соловках мы встретились с внучкой Плюснина Ольгой Петровной де Паскаль-Крыловой. Она родилась, выросла и живет в Бельгии, но постоянно бывает в России, как она говорит, «чтобы набраться сил». В Россию с удовольствием приезжает и ее семнадцатилетний сын.

Мать Ольги одна из дочерей Александра Плюснина. Когда семья покинула Россию, матери Ольги было только пять лет. Больше она никогда не видела своего отца. У нее сохранились письма и маленькие игрушки, которые присыпал ей отец из России в Норвегию, а потом в Бельгию. Как и большинство российских эмигрантов, семья Плюсниной жила одной надеждой скорее вернуться

в Россию. Поэтому дети долгое время говорили только по-русски, а когда стало ясно, что в Россию они не вернутся, они продолжали изучать русский язык в воскресной школе.

По словам Ольги Петровны, еще несколько лет такое путешествие на Соловки в поисках правды о своем деде невозможно было представить: «Для нас это очень важная поездка», говорит Ольга, — Я и мои двоюродные братья и сестры знали, что на Соловках были лагерь, что здесь был наш дед, но мы никогда не думали, что сможем сюда приехать. Это так важно, что Соловки сегодня открыты для всех и в то же время не испорчены массовым туризмом, как многие места зарубежом. Теперь я верю, что мы узнаем о судьбе нашего деда.»

Как считает продюсер и режиссер фильма Коре Таннвик (Норвегия), фильм о судьбе Александра Плюснина поможет зрителям осознать, что и сегодня ГУЛАГ влияет на судьбы людей в разных странах мира и поэтому Соловки важны не только для россиян, но и для всех, чьи судьбы связаны с этими островами, вне зависимости от национальности и гражданства.

По просьбе семьи в монастыре была отслужена панихида по Александру Плюснину, его имя внесено в монастырский синодик для поминования. Из Соловков семья Плюсниных отправилась в Архангельск, где они посетят дом, принадлежавший ранее семье Плюсниных. Поиски Александра Плюснина продолжаются.

Е. Лопаткина

6 августа в рамках Дней Памяти в экспозиции Соловецкого музея-заповедника открывается выставка «Хотелось бы всех поименно назвать...». Идея выставки –увековечивание памяти тех, кто погиб на Соловках в годы репрессий.

Автор выставки зав. экспозиционным отделом музея Ольга Владимировна Бочкарева занимается изучением истории Соловецких лагерей особого назначения более 15 лет. В течение года Ольга Владимировна обобщала и систематизировала материалы о погибших на Соловках, собранные в разное время в ходе научно-исследовательской работы музея. В результате информация была систематизирована по шести разделам, которые легли в основу соответствующих разделов выставки:

1. Репрессированные политические заключенные 1923 года содержание этого раздела основано на неотправленных письмах, записках заключенных
2. Репрессированные священнослужители Русской Православной Церкви на основе документов Юбилейного Освященного Архиерейского Собора 2000 года о соборном прославлении новомучеников и исповедников Российских XX века;
3. Расстрелянные заключенные по «Кремлевскому заговору», 1929 год на основе данных из архивов Управления ФСБ г. Архангельска и Архангельской области;
4. Убитые по расстрельному протоколу № 303 в 1937 году на основе данных из архивов Управления ФСБ г. Архангельска и Архангельской области;
5. Умершие во время эпидемии тифа и расстрелянные по сфабрикованному в связи с эпидемией «делу тифозников» в 1930 году на основе данных из архивов Управления ФСБ г. Архангельска и Архангельской области;
6. Расстрел заключенного Рисова за попытку совершить побег, 1924 год на основе данных из архивов Управления ФСБ г. Архангельска и Архангельской области;

На тридцати двух планшетах выставки (дизайн Бочкарева О.В. совместно с московскими художниками Я. Алексеевой, А. Лузним) перечислены имена погибших на Соловках, которые удалось установить на сегодняшний день. На фотографиях запечатлены их лица, представлены копии

документов времен Соловецких лагерей; на карте Соловецкого архипелага отмечены места обнаруженных массовых захоронений.

Выставка «Хотелось бы всех поименно назвать...» создает настроение особой торжественности это не просто познавательная историческая выставка, это шаг современных людей к покаянию за происходившее на Соловках в начале XX века.

ПРОГРАММА ДНЕЙ ПАМЯТИ

6 августа

19.00 – Открытие Дней Памяти.
Презентация рекомендательного указателя литературы «Соловецкий лагерь особого назначения (1923-1939)»

Место проведения – конференц-зал Образовательного Центра

19.30 – Открытие выставки детских творческих работ «Свеча Памяти»

Место проведения – конференц-зал Образовательного Центра

7 августа

11.00 – Акция Памяти у Соловецкого камня. Возложение венков.

15.00 – Посещение памятных мест СЛОНа

19.30 – Концерт с участием заслуженных артистов РФ Н. Васильевой, З. Сазоновой; руководителя филармонии «Малые грэзы» А. Тулупова (г. Москва)

8 августа

10.00 – Акция «Свеча Памяти»

Место проведения – гора Секирная

16.00 – Вечер Памяти

Место проведения – конференц-зал Образовательного Центра

20.00 – Вечер

бардовской песни: В. Вихорев, В. Цветков
место проведения – Школьная губа

9 августа

11.00 – Культурная программа для участников

10-13 августа

Отъезд участников